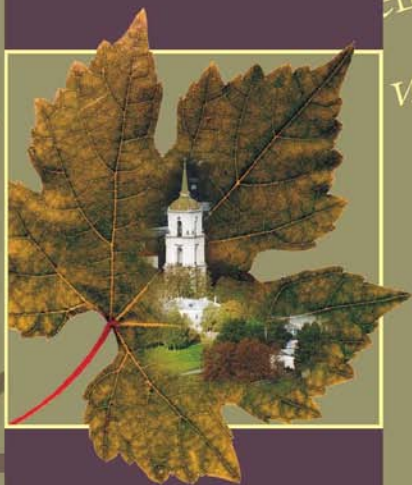

ЛЮДМИЛА
КОЗЛОВА

ИЗБРАННОЕ

еще

еще настанет время
еще восстанут призраки
и постучится в горницу
песчаный ветер
Ангелом крылатым.
Роня листья,
вздоргнут деревья,
качнется час после
И будет жизнь
не отдавая ничто
Анже

AF

ЛЮДМИЛА
КОЗЛОВА

ИЗБРАННОЕ

СТИХИ

БАРНАУЛ 2015

Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений

Козлова Л.М.

К592 Избранное стихи / Людмила Козлова ; Управление Алтайского края по культуре и архивному делу, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова. – Барнаул Алтайский дом печати, 2015. — 240 с. – (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).

ISBN 978-5-98550-355-5

Поэзия Людмилы Козловой – это и классические, и современные сложноорганизованные формы ритмической поэзии (в т.ч. метрострофика), изобретательная звукопись, нестандартные образы, глубокое философское содержание. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5

ISBN 978-5-98550-355-5 © Л.М. Козлова, 2015
© А.В. Кирилин, редактурa, 2015
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2015

СТИХИ

Я БУДУ, БУДУ, БУДУ

Будто вчера только держал в руках первый стихотворный сборник Людмилы Козловой «Дикая мальва». А на самом деле было это больше тридцати лет назад. Сама Людмила Максимовна вспоминает о времени первых поэтических шагов в «большом мире» так: «Появились первые публикации – сначала в «Бийском рабочем» (городская газета города Бийска — А.К.), потом в журнале «Алтай». Это был далекий 1974 год. Затем – краевые совещания молодых писателей в Барнауле, Всесибирский литературный семинар в Новосибирске, Всесоюзное совещание молодых писателей в Москве и прием в Союз писателей России. Всё шло естественным порядком – само собой. Однако требования к текстам молодых тогда были настолько высоки, что трудный путь в литературу могли пройти немногие».

Людмила Козлова словно вступила в спор, начатый еще в 60-х годах прошлого столетия. Тогда, в пе-

риод оживления культуры, литературы в частности, шли жаркие дискуссии о приоритетах физиков и лириков. Людмила, кандидат химических наук, автор многих научных работ и статей. Вроде бы уж точно – не лирик... Но не дает покоя ее «Дикая мальва», ее ранние стихи, которые заставили обратить на автора внимание маститых стихотворцев. Среди поэтов, которых Людмила называет своими любимыми, на одном из первых мест наш земляк, замечательный стихотворец Владимир Башунов. Вспоминая о нем, говоря о его стихах, Людмила Козлова отмечает: Ведь любой человек всегда чувствует, где ложь, а где правда. Когда лгут в стихах, это уже не просто чувствуешь – тошнить начинается. Ибо смысл слова в стихах возведен в степень. Слово поэтическое – сильно действующее средство».

И словно идет перекличка поэтов, чьи души ощутили родство, «диким мальвам» Козловой отвечает Башунов:

*Скромные мальвы да шар золотой
дремлют, склонившись к ограде,
мальвы да шар – золотой, не простой –
возле избы в палисаде.
Все, что любовью овеяло нас,
детские дни осветило,
не выставляла душа напоказ,
но суеверно хранила...*

Почти двадцать лет отделило первую книгу Людмилы Козловой от следующей. Что было за эти два десятилетия – знает сама Людмила да очень близкие к ней люди. Сдержанный она человек, может быть, даже скрытный.

А всегда ли интересно нам, что за беда у ближнего? Всегда ли готовы мы сердцем отозваться на нее?.. Но вот пришли двухтысячные — и словно вторая жизнь началась у писателя, словно та мифическая птица восстала из пепла. Людмила работает с какой-то немислимой энергией и упорством. Она пишет рассказы, повести, не оставляет поэтическое творчество, публикация за публикацией, книга за книгой...

Людмила Максимовна человек с очень тонкой и чуткой душой, щедрый на чувства и на содействие в творческих делах собратьев. За свои деньги она выпускает один журнал, другой – и это не разовые вложения, речь идет о периодических изданиях. А сколько книг своих земляков она помогла выпустить!

Сегодня издательский «ареал» Людмилы Козловой простирается до столицы, Санкт-Петербурга и аж до самой до Америки! Речь идет о печатных изданиях, но плюс к тому, она освоила интернет-пространство, понимая, что бумажная книга не всякому доступна по целому ряду причин.

Похоже, я затеял очерк о замечательном человеке, а ведь моя задача, прежде всего, предварить книгу, которую вы держите в руках. Но книгу пишет человек, его судьба, его душевный опыт, в который переплавилась жизнь. Это и есть тот самый «кто-то», который, по словам Людмилы Козловой, пишет за нее:

*Сухая осень. Зарево пожаров.
Полынный запах дыма поутру.
Берёзы лист, свернувшийся от жара...
А я жива. И завтра не умру –
ненужный фарс
свершиться не захочет.
Стоглазый Марс шатнётся от Земли.
И догорят оранжевые ночи.
И долетят до места журавли.
Я буду жить.
Я буду, буду, буду
на краешке минуты и огня.
Отчаяние, родственное чуду,
в Страну Надежды
выгонит меня.
Ужели так?
В погибели – Надежда
и перемен
миндальный горький вкус.*

*Забыла я всё то,
что было прежде.
Не верю, не надеюсь,
не боюсь!*

Я привел стихотворение полностью (оно без названия – А.К.) не только потому, что не люблю вырывать отдельные строки, хотя и приходится делать это довольно часто. Здесь другое, здесь вся Людмила Козлова – с ее верой, надеждой с ее оптимизмом, который некоторым может показаться состоянием обратного знака. В том и секрет. «Отчаяние, родственное чуду, // в Страну Надежды выгонит меня». Вот так, что бы ни было, силком, через не могу — к Надежде. И нет никакого противоречия в последних строках – «Не верю, не надеюсь, // не боюсь!» Обратили внимание, что слова «не боюсь» вынесены в отдельную строку? Все правильно, «не боюсь!» – это ключевой знак поэта.

Анатолий КИРИЛИН

ИЗ КНИГИ
«КОСТЁР
ОСЕННЕГО
РАЗЛАДА»

Ещё настанет время тишине,
ещё восстанут призраки заката,
и постучится в горницу ко мне
песчаный ветер
Ангелом крылатым.
Роняя листья,
вдрогнут дерева,
качнётся час последний невозвратно.
И будет жизнь наивная права,
не отдавая ничего обратно.
И всё же –
не поверю никому,
что сердце было в чём-то виновато.
Зачем тогда,
взрывая стоном тьму,
стучится ветер
странником крылатым?
Да вот оно, то место,
вот оно –
здесь плакала моя Душа – виола.
Но вот взвилась и
бросилась в окно,
и обернулась голубем весёлым.

Я пыталась уехать,
забыть навсегда
этот город и говор сибирский.
Но во сне
я опять возвращалась сюда
и бродила по улочкам бийским.
Знойный ветер
в прозрачную злую теплынь
чуть колышет
простынные флаги.
Снова в диких кварталах
бушует полынь –
узнаю этот запах весёлой отваги.
Невозвратно и странно
мне помнить дано
эту горькую ауру
бийского лета.
Я пыталась уехать когда-то давно.
Только было ли,
было ли это...

Сухая осень. Зарево пожаров.
Полынный запах дыма поутру.
Берёзы лист, свернувшийся от жара...
А я жива. И завтра не умру –
ненужный фарс
свершиться не захочет.
Стоглазый Марс шатнётся от Земли.
И догорят оранжевые ночи.
И долетят до места журавли.
Я буду жить.
Я буду, буду, буду
на краешке минуты и огня.
Отчаяние, родственное чуду
в Страну Надежды
выгонит меня.
Ужели так?
В погибели – Надежда
и перемен
миндальный горький вкус.
Забыла я всё то,
что было прежде.
Не верю, не надеюсь,
не боюсь!

Л. Мерзликину

Далёкий, далёкий,
прохладно-таинственный зов.
Звучание ночи?
Мелодия Горного Духа?
Шуршание крыльев
огромных реликтовых сов –
так ровно, призывно,
опасно и глухо.
Я слушаю вечер,
далёкий магический гул,
мелодию ветра,
пленённого в скалах органа...
А, может быть, это
от горя поёт на бегу
в пустынных горах
заплутавшая Фата Моргана –
нелепая, злая,
тебя погубившая Жизнь...

1995

Сияет бельё на верёвке.
Осеннее солнце в венце.
Собака с душой полукровки
по-графски лежит на крыльце.

Ей в мире хозяйски спокойно,
и лает, и кушает всласть.
И кажется – кончились войны,
и Формула Счастья нашлась.

Мелодию Формулы этой
листают знаток-листопад.
И звуки, объятые светом,
усыпали солнечный сад.

Но мир, не согласный на Счастье,
чеканит и золото, и медь.
Он стонет от дьявольской страсти –
Чужое иметь.

Хижину эту,
где в окна глядят снегири,
и заря так малиново
Жучкой дворовою лаает,
Господи, Боже Мой, не отбери!
Ты мне поверь –
я, конечно, грешна, но незлая.
Дай же Ты мне
не уйти в монастырскую ночь –
нет там Тебя –
за дверями, закрытыми миру.
Там суета и возня –
там Антихриста дочь
мне поднесет и подарит
на Пасху просвиру.
Если возьму,
мне придется и сердце отдать –
Тьмы и Позора, и Страха
навек причаститься.
Дай же мне, Господи,
в мире Твою Благодать –
хижину эту,
и в окнах – восхода частицу.

Бессмысленная, страшная кривая
роняет Жизнь, как бусинку. И вот
она, позванивая и виляя,
стремится прыгнуть за киот.

Но нет спасения в обрядах.
И это знает даже вор.
Ну да, обманываться надо:
Мажор! – хотя и ре минор.

И мы придуманному рады,
пустой соломинке цветной,
каким-то ящичкам рассады,
любви какой-то неземной.

А между тем Земля уходит
навечно из-под наших ног.
И мы давно уже в «расходе».
Никто
и ничего
не смог.

Стемнеет скоро. Ничего!
Или напротив, рассветает?
И только горя моего
большая льдина не растает.

И я останусь там, внутри –
терпеть ледовые объятия.
Ночные братья – фонари –
меня поддержат бравой статью.

И будет их неяркий взгляд
во тьме единственной надеждой.
И устремлённая назад –
Душа откликнется, как прежде.

Она не верит в новый свет
и не обрадуется ночи.
Как это верно – счастья нет!
Но нет и смерти, между прочим.

Мои друзья – умники.

Мои враги – дураки.

Коля Остенбакен

Потерялась в пространстве планеты,
заблудилась – не знаю пути.
Всё тенёта, приметы, приветы,
засывающие уйти.

И ушла. И забыла, что было.
И не вижу, что будет. И пусть!
Самоцветом холодным застыла
Самозванка по имени Грусть.

Я иду, я шагаю по водам,
словно посуху – пусть и в миру.
И пройду по годам и невзгодам,
и назло дуракам не умру!

ВСЕГДА

В зелёной чаще бродит леший –
смешной, невидимый, большой.
Гудит, как зуммер обнаглевший,
комар залётный над душой.

Пенёк оброс мохнатым плющем,
в болоте ряска зацвела.
По кругу новый день запущен –
у чёрта спорятся дела.

В груди его бушует Этна –
его огня не перевозмочь.
И человеки беззаветно
всё суетятся день и ночь.

СИБИРЬ. 2005 год

Вдоль грядки
старушка хромает,
да лает Полкан боевой.

Никто не помянет Мамаю,
не вспомнит космических войн.

Дремучее царство укропа,
тропинки в колючей траве...

Ужель богатеет Европа
и город стоит на Неве?

А время, нет, неуловимо –
и что оно?
Летучий прах!
Несётся мимо,
мимо, мимо
солёной пылью на ветрах.
И там, в раздольном дне пустыни,
в песчаном разуме его,
так ненавистно триедины
пространство,
время,
вещество.

Четвёртой степенью свободы
(иль несвободы?)
станет Тот,
кто миг и день, недели, годы
единым Словом назовёт.
А в нём откроются глубины –
весь мир с загадками его,
где снова будут триедины
пространство,
время,
вещество.

Скулит и мечется собака,
и кто-то подаёт свечу.
Уйду, сокроюсь в норы мрака.
Отплачу.
После отплачу.
Одна.
Одна на белом свете.
Весь мир –
безумный лицедей.
А, впрочем,
Бог рассудит этих,
земных зверушек и людей.
И, может быть,
я с ними вместе
пойду, подстроюсь в общий ряд.
А что мне,
Божьей-то невесте?
Господь поможет, говорят.
Но жадность их,
желанье славы
и лазерный
незрячий взгляд –
как Змей Горыныч многоглавый,
меня дотла испепелят.

Господь Мой –
кристалл драгоценный,
прозрачное золото дня,
Господь,
разрушающий стены,
спасающий из огня.

Мне даже и верить не надо –
я вижу Тебя одного
в аллеях осеннего сада,
в пустынной повадке его.

Бросается листьями ветер,
сияет сухая трава.
Просторно и вольно на свете.
А, может быть, я не права.

А, может быть, это Лукавый,
прельщает иллюзией сна.
И люди богатство и славу
выносят из бойни кровавой,
которой не видится дна.

Я разбросяю то,
что есть,
и в этом не раскаюсь.
Не знаю,
что такое месть,
и что такое – зависть.

Господь велик:
в земном пути
(святится Отче Аве!)
поможет
тяготы снести
и в скорби
не оставит.

Согласна я тебе в угоду
встречать ненужный Новый год.
Пусть обещают непогоду –
и дождь, и снег, и гололёд.
Заранее из дома выйду,
ступени вздрогнут в тишине.
Забуду прежнюю обиду,
забуду Машеньку и Лиду,
Наташку,
Вальку,
Наринэ.
Забуду всё.
Должно быть, надо.
И глаз зелёный притушу.
Пересекутся стрелы взглядов,
как в упражнениях ушу.
Наверное, ты станешь ближе,
мой самоцветный сердолик.
Но зрением вторым увижу,
что ты раздвоен... многолик.
И вдруг проглянет отвращенье,
как знак сокрытый водяной –
до одичанья, отреченья
и дрожи где-то за спиной.

К.С.А.

Я говорю с тобою так,
как это было –
прежде было.
Когда я без ума любила.
А это, друг мой,
не пустяк.
Да, знаю, ты ушёл – навек.
И это – злая истина,
беспутный, глупый человек,
любимый мой,
единственный.

Но для меня,
одной меня
на всей Земле завьюженной,
ты жив.
И на закате дня
придёшь ко мне, мой суженый...

Как прежде,
слышен ветра стук,
кружится снега месиво.
Напротив сядешь, милый друг,
и улыбнёшься весело.

Падают алмазы декабря –
крупные мохнатые снежины.
Строй кварталов,
редкие машины –
призрачны, как древние дружины,
в зареве полуночи горя.
Замечает улицы пурга –
скоро, братья,
грянет новогодье.
Скоро, скоро – завтра!
А сегодня
каждая минута дорога.
Заблудилось
воинство земное
в вихревой метели
до утра.
То ли ветер
за горою воет
(ныне жизнь
полтинника не стоит),
то ль звенит
казна от серебра.

Живая мозаика солнечных бликов
на подоконнике, на стене –
как будто и радость-то невелика,
но угнездилась котёнком во мне.
Что-то родное, забытое что-то
выплыло из глубины –
мамино платье, закат с позолотой,
бабушкины блины,
чайная роза в зелёном стакане,
книги за синим стеклом...
Знать бы, что жизнь оболжет
и обманет,
знать бы...
Не знала, и вот – поделом!
Дом ли потерян, забиты ли ставни –
кто-то листает прочитанный том.
Желтый листок от окна не отстанет,
только я всё не о том.
Сердце ли стынет, душа обмирает.
Важное что-то свершится – потом!
В солнечных бликах Ангелы Рая,
только я всё не о том...

Сегодня прибыл день
на воробьиный скок,
и в небо что-то светлое
взлетело,
как будто свиристель запела,
предчувствуя мороза кипятки.
И странно, странно –
сердце занялось
таким восторгом
будущего лета,
что стало слышно,
как земная ось
меняет угол,
наклоняясь к свету.
А завтра в космос вьюгой отлетев,
зима оставит лужи на дороге.
И свиристель забудет свой напев...
И дальше жить
ещё придётся многим.

Песнь кочевников –
зов подлунный,
зарождённый в иных мирах,
кто-то странно терзая струны,
трое суток поёт в горах.

В полночь дикую так и мнится –
там, на скалах
в сосновой мгле,
многогласая злая птица
отходную поёт Земле,
многогласая Птица Ада –
семивёрстовое крыло.

Ах, неладно кругом,
нескладно,
неприветно
и не светло...

Лимонный с малиновой нотой
над городом вечер повис.
Поёт и печалится кто-то
о девочке Флёрдерис.

И кажется – что нам парижи,
своей бы дождаться зари,
но всё же милее и ближе
собор Нотр-Дам де Пари,

чужая залётная мода,
французский рисунок крыльца.
Скупая слеза Квазимодо
мещанские плавит сердца.

В предвечных просторах затерян
неведомый крошечный Бийск,
поющий с беспечностью зверя
о маленькой Флёрдерис.

ПРИШЕЛЬЦЫ

Какие-то люди с глазами пришельцев
снут деловито, гремят и шумят.
Один – просто вылитый Ельцин,
другой с головы и до пят
рождён двойником Каэтану.
Но я удивляться не стану –
эмоции спят.
И ходят проворно пришельцы,
и что-то ненужное в том,
что первый – ну, вылитый Ельцин,
второй – Каэтану с хвостом.
И смотрят печально и дико,
как чужь об осенней поре.
И что им, двоим горемыкам,
в чужом приглянулось дворе.
Горбятся спины пришельцев –
и что-то невнятное в том,
что первый – ну, вылитый Ельцин,
второй – Каэтану с хлыстом.
Пришельцы – шуты и факиры
снут деловито и зло.
Артисты, бандиты, вампиры?
Так это ещё повезло...

Метель мела на Златоуста.
В полях – ни зги, на трассе пусто.

Раскинул руки перекресток.
И ворон – юноша-подросток –
хотел со мной поговорить.

Так скучно было ждать попутки,
и мы пошли как две минутки –
сначала я, а он – за мной,
сложивши крылья за спиной.

Мы шли по трассе, по метели,
а после рядом полетели –
и он сказал мне по секрету,
что можно так летать всегда,
людей крылатых в мире нету,
но каждого ведет звезда.

И странно так из птичьих уст
звучало Имя – Златоуст.

Там, в надзвёздной вышине –
по дороге млечной
что-то движется извне.

Что-то движется ко мне
Странное и Вечное.

Что-то сдвинется вдали
и вблизи исчезнет.

Дом на краешке земли
покачнётся к бездне.

Вспыхнет пламенем содом,
высохнут колодцы.

Я должна спасти мой дом –
в нём весь мир спасётся.

Тепло и роскошь – сладкий сон востока,
и нет зимы. Но странный звон тревог,
не замолкая, жутко и жестоко
все прелести беззимья перевозмог.

И вовсе не любовным ожиданием –
предчувствием шагающей беды –
наполнены деревья, звуки, здания
и скромный лист домашней резеды.

Мурлычет кот, сияя рыжим оком,
беря меня одним движеньем в плен.
Но все на свете словно бы под током
грозящих смертью быстрых перемен.

В лесу,
в окружении сосен,
в берёзовом злате листвы
весёлая ясная осень.
И мне не сносить головы –
зашепчет, закружит,
завьюжит,
засыплет цветной листопад.
И небо бездонное в лужах –
пространство,
ведущее в Ад,
зовёт и манит оступиться
и падать сквозь лиственный дым
туда, где знакомые лица,
успевшие с нами проститься,
кивают с распятий
живым.

За серой вязью снегопада
на том, пустынном берегу,
тальник – для глаз моих отрада,
и кроме ничего не надо –
река, тальник и день в снегу.

Сыпучий снег, его мельканье
сродни обману ворожбы.
Вот так стоять, смотреть веками
и ждать прозрения Судьбы.

И за единое мгновенье
понять предписанный удел,
заметив, как прозрачной тенью
над миром Ангел пролетел.

Такая тишь – оранжевая, злая.
С пустынных крыш
стартует дым столбом.
И ничего о жизни я не знаю,
хотя живу. Но разве дело в том?

Слоёный луч вечернего светила
с далёких круч протянется к плечу.
Мне это наваждение претило,
и время ни секунды не скостило,
но я всегда ходила по лучу.

Погаснет луч, я падаю и плачу,
а, может быть, не плачу, а смеюсь.

Сегодня я надеюсь на Удачу.
Сегодня я уже не разобьюсь.

Ах, лето, лето!
Где ты проскакало?
Кого ласкало, плакало о ком,
покуда кошка молоко лакала
изогнутым шершавым языком?

Казалось, где-то –
может, в Намангане,
пролился дождь, прохладен и весом.
А здесь всего лишь
ехали цыгане,
да мимо жизнь катилась колесом.

Ах, лето, лето!
Где ты пробежало?
И, может быть,
совсем, совсем не зря
подол твой кошка лапою прижала
под жёлтый посвист злого сентября.

Осень, подруга моя светлоокая!
Жёлтое эхо, как время жестокое,
снова меня окликает и мучает.
Осень, душа моя, птица летучая!

Шум твоих крыльев
в деревьях полощется...
Плачет душа моя
в золоте рощицы.

Что же ты плачешь?
Чего тебе хочется?
Не отвечай,
моя злая пророчица.

Знать не хочу,
что судьбой обозначено –
Знанием зла
за незнание плачено.

Я помню – мэтр себя преподносил,
и говорил: «Решайся, или – или!»
Мои стихи в могилу схоронили,
и не было для жизни новых сил.
И двадцать лет,
как день один, прошли.
А в них – мои беззвучные напевы
и день и ночь рвались из-под земли,
не зная сожаления и гнева,
не ощущая шелеста страниц,
не ведая издательств и обложек,
похожие на выброшенных птиц –
без крыльев и без кожи.
Как вместе с ними я ещё жива –
то знает Бог, а я не понимаю.
Меня спасли слова, слова, слова,
моих молитв мелодия немая.
И я сокровищ не ищу земных –
они к моей душе не прилипают.
В иных мирах и голосах иных
нелепая и, может быть, слепая,
на ощупь я нашла мой Узкий Путь.
Иду по Краю Пропasti, и все же –
они взлетят, взлетят когда-нибудь,
мои стихи, рожденные без кожи.

Памяти отца

За протокою,
в дальнем озере,
Одолень-трава – жёлтый цвет.
Тальники вокруг,
воды впрозелень,
воздух высвечен и прогрет.

Рядом тихую, тихой старицей
хвощ-болотник высок и густ.
Камышей золотые палицы,
чёрно-сизой крушины куст.

Всё мне кажется –
в роще таловой
старый пасечник добр и сед,
соты режет он, мёд опаловый
преломляет полдневный свет.

Только где она, эта рощица,
добрый дедушка, вербный мёд?
Лист осенний в ветрах полощется –
старой пасеки не найдёт.

Из форточки, из точки, ниоткуда
рука Судьбы бросает розу мне.
И небо всё в малиновом огне,
и скоро, скоро я узнаю чудо.

Разъятие пространства и времён,
рожденье расы Огненного Духа.
Горит закат бредово, ясно, глухо.
Горит закат – Земли последний сон.

Среди отбросов мусорного дня,
среди детей оскаленного мира,
среди его безжалостного пира,
найдёт ли Бог, узнает ли меня?

Когда придёт, страдая и любя,
спасти детей безумных и жестоких,
презревших все премудрые уроки,
найдёт ли Бог, узнает ли тебя?

Середина воскресенья,
окончанье ноября.
Вот и заберег осенний,
вот и солнце светит зря.

Еле выглянуть успеет –
провалилось, не найти.
Только звёзды с неба сеет
жёрнов Млечного Пути.

Снова сердце мягкой лапой
Кошка-ночь сожмёт в игре.

Но не смей от боли плакать –
то ли будет в январе.

Кто-то высокий
ходил и заглядывал в окна.
Кто-то высокий,
наверное, медленный снег.
Сквозь отсыревшие
пылью краплёные стёкла
мне показалось,
что это живой человек.
Он подходил, уходил
и опять приближался –
пусть ненадолго, украдкой
ко мне заглянуть,
молча послушать
мелодию старого вальса –
вдруг из окна и к нему
низойдёт кто-нибудь.
Были глаза его
ночи январской чернее.
Хлопья-ресницы
мохнато сияли вдоль век.
Полночь ушла.
Он отправился следом за нею,
кто-то высокий,
наверное, медленный снег.

В далеком, дальнем давнем далеке
июнь, июнь и девочка в реке.
Летит вода и крутит в омутах
послушную и легкую девочку.
На берегу в сиреневых кустах
поет скворец подростшему скворчонку.
Гудит вода, почуя пережат,
поет вода, скольженье ускорья.
В струю легко и весело ныряет
хрустально-синий маленький снаряд –
неуловимый, быстрый, как вода,
охотится веселый зимородок.
Ни рыбаков-молчальников, ни лодок.
Летит вода. Ты, девочка, куда?
Но, улыбаясь вечным облакам,
лицо свое счастливо запрокинув,
плывет она, послушна и легка,
вода ее подталкивает в спину.
Я чувствую, что в прошлом не она –
что я – была, а девочка лишь будет.
Она меня коснется и разбудит,
я улыбнусь – на улице весна.

ОДНА В ДОМЕ

Памяти родителей

И дверь сошла с петель,
и ручка отвалилась.
А на дворе метель
в падучей колотилась.

Безжалостно игрист
и шаловлив, и весел,
Антихрист – лицеист
пытал морозом веси.

И окна занесло,
и убыл день до края.
Но я ему назло
жила, не умирая.

Метель как повитель
вокруг меня клубилась.
Вот жаль, что дверь – с петель,
и ручка
отвалилась.

Женщина шагает вдоль реки.
Под ногами мнутся стебельки.

«Ваня! Ваня!» – женщина кричит,
только ей никто не отвечает.
Лишь сова, мелькнувшая в ночи,
пронеслась над самыми плечами.

Муж давно уже ушел к другой.

«Ваня! Ваня!» – слышно над рекой.

Сказал, как отрезал, Отче:
– Мой Меч низошёл на Суд.
Скажу и ещё короче –
Святые людей спасут.
Иди и ищи святых –
и Я твоим воплям внимлю.
Если найдёшь троих,
помилую грешную Землю.

Там, на развилке дорог,
ведущих под своды Рая,
Иисус изнемог и продрог,
учеников выбирая.

В Нью-Йорке искал
и в Тарусе,
в Стюартах и Дурново.

И не нашёл Иисусе
даже и одного.

Люблю смотреть
в чужие лица –
в них Свет
и Тень
прошедших лет.

И даже то,
что людям снится,
в глазах
порою отразится.

Лиц некрасивых
в мире нет!

Г.П. Панову

Какая ночь глухая на дворе,
как будто перед снегом в октябре!

И самолёт,
как птица изо льда
или с небес упавшая звезда,
всё длит и длит
полуночный полёт.

А, может, то совсем не самолёт –
свободный Дух,
не знающий о Зле,
которому нет места
на Земле.

Геннадью Панову

Издадека, издадека –
светла, хрустальна, высока
чужая музыка звучит.

Ненастье ставнями стучит.

Душа летает над горой
глухой предзимнею порой.

К закату вдруг повалит снег
и заметёт безумный век.

Вот-вот откроются Врата,
вот здесь – у мокрого куста.

Мой дом, висящий над водой,
большой водой от Беловодья,
прогрет насквозь дневной звездой.

И лето бегаёт по сходням,
и воду трогает ногой.

И кто-то юный и нагой
плывёт из Прошлого в Сегодня.

А в настоящем он – старик.
Его пугает половодье,
и зов святой из Беловодья
ему напоминает крик –

тот властный крик,
тот зов бессонный,
что Душам слышится к концу,
и словно в замкнутом кессоне,
блуждает мукой по лицу.

Куда я еду – в ночь и темень,
и в снег, слепящий мир безбожный?
Я – робот, к неисправной клемме
подключенный неосторожно.
Я знаю, мне доехать нужно
в конец предлинного маршрута,
и там, на остановке «Вьюжной»
два слова передать кому-то.
Всего два слова – «жду и помню».
Я передам, но что в них людям?
Сокрытый смысл,
как прежде тёмн,
«железной» мысли не подсуден.
Автобус к станции причалил,
и это было неизбежно.
Да, вот он, тот чужак печальный,
стоит один в метели снежной.
Шепчу ему два кратких слова,
два светляка во мраке тёмном.
И просит он: «Скажите снова!»
Я повторяю: «жду и помню...

ДОМОЙ

Вот и небо родное.
Вот и горы вдали.
И дыханье парное
от уснувшей земли.

Снега мелкая сечка
да колодезный сруб.
Два шага до крылечка,
тёплых маминых рук.

Два шага до крылечка,
и до детства – поверь!
Стукнет-брякнет колечко
о сосновую дверь.

Кто там прячется в доме,
край портьер теребя?
Я увижу в проёме
из-за шторы себя.

Купалась монашка
в осенней реке,
в тепле, в листопаде,
от всех вдалеке.
И пыль водяная –
знак Божий, святой,
сияла над нею
как нимб золотой.
Горели осины
в сентябрьском огне.
Приснилась ли
эта отшельница мне?

Лишь чёрною радугой
пляшет в руках
воронье перо,
как минута в веках,
да пахнет отравой
травя-молодило.

Когда это было?
И что это было?

ВОЛОГДА

На далёкой родине моей,
(той, что я, увы! – не повидала)
также ночью свищет соловей,
как и здесь под сенью чернотала.
Отчего ж мне видятся леса –
в синий мох закутались, как в шубы –
незнакомых пташек голоса,
туесок из крашеного луба,
тот, что в детстве нашивала мать,
на болотах клюкву собирая,
видится бревенчатая гать
от дождя июльского сырая.
В хвойной чаше озеро с водой
черною, как ноченька в безлунье,
водяной с кудлатой бородой
да избёнка бабушки-колдуньи.
Видятся еловые леса,
слышатся лесные голоса,
окающий мамин говорок,
в горнице некрашенный порог.

Брату Александру

У кладбища,
где горочка крутая,
где долго-долго снежники не тают,
там девочка оплакивает брата.
Ей кажется –
оттуда нет возврата,
Ей кажется –
там мёртвые рыдают.
Но это ей мерещится порою –
лишь тишина над грустною горою.
Лишь запах вод
с реки приносит ветер –
его ни с чем не спутаешь на свете.
В четыре года трудно быть сестрою,
стоять и ждать с горячими слезами,
с закрытыми от ужаса глазами,
и вдруг увидеть братову рубашку,
накинутую просто – нараспашку,
его вихор с льняными волосами.
И словно в свет ступив из темноты,
себе не веря, крикнуть: «Это ты?»
И с обожаньем обнимая брата,
спросить его: «Ну, что там, за оградой?» –
В ответ услышав смелое: «Цветы!»

ОДИНОЧЕСТВО

Она верна своей причуде:
куда ни глянешь, там и тут
в пластмассе, глиняной посуде
семейства кактусов живут.

Их триста штук, существ колючих,
и пусть питомцы без затей –
она ругает их и учит,
как избалованных детей.

Когда тоскуя зло и глухо.
метель за окнами поёт,
она, наплакавшись на кухне,
в их окруженье кофе пьёт.

Молчат колючие ребята.
Стучится в окна мокрый снег.
Им, неразумным, непонятно,
о чём горюет человек.

Выйду в поле на лыжах –
горизонт заслоня,
стадом мамонтов рыжих
горы встретят меня.
Их дремучие космы
не редки, не густы,
золотистые сосны,
деревя да кусты.
Ох, пасутся давненько –
не денёчек, не век!
Возле ног деревенька –
крыши, прясла да снег.
Кто-то крикнет далече,
может быть, запоёт –
снеговеюшко-вечер
или детство моё.
Без лыжни целиною
я на зов побегу.
За мою спиною
узкий след на снегу.
И далёк и тревожен
гор лохматый хребет.
Кто же звал меня, кто же?
Только эхо в ответ.

За колонной белою – в окне
всё минуты, годы и века,
небо голубое, как во сне,
странники, дороги, облака...

За колонной белою вдали
стадо угнездилось на постой,
у реки Песчаной на мели
из кувшинок венчик золотой.

А за этим небом вновь и вновь –
небо, реки, птицы, облака,
человеки, станции, века...
жизнь и смерть,
предательство,
любовь...

ПОМНЮ
(баллада)

Я жила одна – на перекрёстке
в старом доме с толстыми стенами.
Город одичавший,
злой и жёсткий,
наплывал на окна, как цунами.
Ярмарка, заваленная снедью,
по утрам гудела, как и прежде.
Улыбались мальчики и леди –
продавцы обмана и надежды.
И готовя в чайнике на газе
золотистый чай и чёрный кофе,
я молчала, и пускай не сразу,
стала в этом мастером и профи.
День и ночь в игрушечном жилище
радио живое бормотало.
Знала я, что мир меня не ищет –
это было, в общем-то, немало.
Ни о чём земном не беспокоясь,
я молитвы странные слагала –
вспоминала истинную повесть
о стране по имени Валгалла.
Души предков северного рода
сны мои цветные посещали.

Запах моря, водорослей, йода
снился мне, исполненный печали.
И однажды в трубке телефонной,
от сети отрезанной навечно,
чей-то голос птицею бессонной
прозвучал неведомым наречьем.
И, себе не веря, я спросила:
– Вы ошиблись номером, наверно?
– Номер тот. Тебя зовут Людмила.
Ну, а я – твоя подруга Эрна.
Помнишь берег в кружеве прибоя,
где из лука мы с тобой стреляли,
как меня ты вынесла из боя?
Помнишь Моря Северного дали?

Улетая, голос оборвался
эхом грусти в полночи бездомной.
Стало зябко в комнате и пусто.
Слышишь, Эрна –
я всё это помню!

ИЗ КНИГИ
«РОСПИСИ
ДОЖДЯ»

Во мне галактики гудят,
Вмещаю Рай, рождая Ад.

Во мне Вселенные летят,
Меняю оси ординат,
Клубясь, как стаи диких ос,
Как лепестки жемчужных роз.

Во мне – огонь,
Печаль, мороз,
Алмазы
Августовских гроз,
Ветров и снега круговерть,
Во мне – любовь
И жизнь и смерть.

Но главный
в королевстве – ты.
И я – кухарка у плиты.

И пусть вопрос мой
Груб –
Куда уходит всё,
Что составляет нас:
Ямочка возле губ,
Ультрамарин глаз,
Тёплой руки свет,
Любовь,
Которой нет,
Но все же она есть,
Совесьть, душа, честь,
А следом уходим мы?

Но и при встрече Тьмы
Той, что зовут
Родиной Света,
Нет ответа.

Да, вопрос мой
Груб –
Где же ямочка та,
Что была возле губ?

И если мир окажется пуст,
И демон в меня метнёт копьё,
Я из Твоих, Господи, уст
Приму любое
Слово Твоё.

Погибнет
Любимой калины куст,
Меня на куски разорвёт зверьё.
Я и тогда из Твоих уст
Приму любое
Слово Твоё.

Высохнут реки до самого дна,
Даже камню из пепла не встать,
Но... буду знать,
Что я не одна.

Буду знать.

Летает одуванчиковый пух,
И суета почти одолевает.
Прощай, картошка,
Ревень и лопух,
Полынная тропиночка
Кривая.

Я ухожу. Галактики гудят.
Зовут меня столетья световые.
Пусть комары
Свой комариный яд
С тоскою впрыснут
В чью-то выю.

А для меня объявлен мир цветной.
Я Птицей Дня лечу в зарю востока.
Невидимые крылья за спиной
Несут меня в зрачок
Господня ока.

А там горит Созвездие Любви.
И я лечу блуждающей кометой.
Ты позови, окликни. Позови!
И я пойму,
И я увижу, где ты.

Цветёт сосна, бушует цвет.
В листве живёт восточный ветер.
И ничего плохого нет
На этом свете.

И говорят, Великий Свет
Иной любви, Любви великой,
Он здесь. Он там, где горя нет,
Где сосны жгут весенний цвет
И мироточат в церкви Лики.
Рукою слёз твоих коснусь –
Не плачь, любимая, святая.
Тебя зовут так просто – Русь.
Ты – Дух, что любит и спасает.

Спаси меня,
Спаси его,
Спаси её,
Всех в мире сущих!
Найди
Сыночка моего
Средь птиц
В терновниках цветущих.

А всё так просто – свет угас вселенский,
И безразлично, что там – впереди.
Ты помнишь день в черёмуховом Энске?
Забудь его и сердце остуди.

С верховий дымом тянет и сосною –
С далёких гор, невидимых в степи.
Как ветер-ночь, Душа моя занует,
Так всё вокруг исполнено виною.
Молчи, молчи, красавица, терпи!

Ты здесь раба немая – и не боле.
На сотни вёрст – пустыня и ковыль.
И хватит их на тысячу Монголий!
До слёз, до стога, до солёной боли
Едины сон и сказочная быль.

Ты не смотри, красавица, назад –
Там азиатка – лучница косая
Твою стрелу нацелила в закат,
Где Время Жизни гаснет, исчезая.

Беги, беги, не открывая глаз,
Не вытирая слёз, следов не оставляя.
В последний раз лови последний шанс –
И ты успеешь, девочка стальная!

Я бываю прозрачною
Круглою каплей дождя
Иногда.

Я живу
Очень долго –
Секунд шестьдесят.

А когда уйду,
И меня поглощает вода,
Успеваю подумать,
Что я не умру
Никогда.

Отгадаю волшебное слово –
Нежить скользкая, провались!
И примерю
Наряды новые,
И придумаю новую жизнь.
Будет небо
И ветер вольный,
Васильковые облака,
Ни слезы,
Ни досадной боли –
Лишь дорога
Да лес, да поле,
Божья музыка издалека.
Будет город,
Весёлый город,
Будут солнечные дома.
Всех,
Кто мне бесконечно дорог,
Нарисую себе сама.
В новой жизни,
Святой и светлой,
Оставаясь всегда собой,
Буду знать из печалей этой
Только дождик слепой.

Глухое пенье – капает вода.
Стучатся капли в доньшко стакана.
Квадратным глазом птицы-великана –
Закат в окне и первая звезда.

Качнётся дверь от злого сквозняка,
И вздрогнут шторы шёлковой волною.
И вдруг запахнет раннею весною
Откуда-то издалека.

Обман, мираж, мечтание Души –
Вечернее, минутное, пустое,
Но покачнутся зимние устои
И вспомнится далёкое, святое,
Как в детстве: «Мама,
Сказку расскажи!».

Глухое пенье – падает звезда.
Стучатся капли,
Время ли стучится.
Смотри в окно,
Смотри, большая птица!
И ничего плохого
Не случится,
Пока из крана
Капает вода.

Ю.Я. Козлову

Как долго я отверженной была!
Да что была – я и теперь осталась.
Но это всё – ничтожнейшая малость!
Передо мною степь – белым-бела.
Полночным настом
Выстелил мороз
Во все концы жемчужные дороги.
И Ворон нынче весточку принёс
И запах тонкий снега и тревоги.
И я ушла, я умерла почти
Для этого безжалостного мира.
Ты, Ворон, друг мой,
Поутру прочти
Жемчужный след
С оттенками ампира*

* Амбир – один из видов художественных шрифтов.

СТРАННИК

Уйдёт, вернётся,
Вновь прильнёт к стеклу,
И смотрит, смотрит мимо занавесок.
За тюлевой листвою арабесок
Он ищет что-то, близкое теплу.
Он видит спину спящего кота,
Кусок зеленой скатерти и книги,
Пространство комнат,
В коих пустота,
И на стене висящие вериги.
Во всём загадка, тайная печаль,
Какой-то стон о будущем и прошлом.
Судьбы чужой и стен просторных жаль
Ему,
Что всеми сущими заброшен.
Хотел бы он
Обжить печальный дом,
По-своему поставить стол и
Стулья.
Быть может, стать хозяйкиным котом,
Пчелою убежавшею из улья.
Он был бы рад,
Но дом, как старый пёс,
Чужих не пустит даже и к порогу.
И что бы дивный странник ни принёс,
Его отправят к Богу.

В квартире моей
Навылет –
Мелодия тишины,
Да след метеорной пыли
Оставили утром сны.

В квартире моей
Навылет –
Минут шелестящий рой
Да облако водной пыли,
Да ветер,
Да день сырой.
Да тюлевых занавесок
Из окон полётный взмах,
Да запах цветов из леса...

Ну, что там ещё
В домах
Разгуливает без спроса
Весною,
Вступившей в срок?

Остаточный звон мороза
Да счастья ручной зверёк.

Земля потемнела, трава зелена,
Шёл дождик, захлёстывал в трубы.
Сосед мой накушался нынче вина
Или первача приголубил.

И долго кричал он кому-то в упор:
«Ты брось этот гонор
Гражданский!
«Я – гвардии русской
Советский майор!
И награждён за Даманский!»

Но после карета за ним подошла,
И два молодых санитаря
Сказали: « Ну, этот – опять добела,
Знакомец наш старый!»

Он в танке горел,
И в жестоком бою
Жестокая помнилась мука.
Но помнил он жизнь – не свою,
Не свою.
Вот в этом вся штука.

Город зверь
Разлётся у порога.
В грязных лужах небо –
Зло и строго.
Вышел мальчик-с-пальчик
Из острога –
Знать пришла
Законная пора.

Возле дома
Деется иное:
Горка дров –
Ковчег пророка Ноя –
Странно пахнет
Раннюю весною,
Огурцом – сосновая кора.

Мальчик-с-пальчик
Сядет на пенёчек
Да затынет горький самосад.
Вольные
Весёлые денёчки
Друг за другом
Дымом полетят.

Я завидую собакам,
Кошкам драным,
Облакам,
Дуракам и мужикам
В «лоскут» пьяным,
Копнам сена на снегу –
Всем,
Кем быть я не могу.

Я жива только Божией волей,
Только помощью в дальнем пути.
И ещё не закончилось поле,
То, что мне суждено перейти.

Божья воля – любимое Слово.
Я готова. Я чувствую – бой!
Пусть огонь разгорается снова.
Я – с Тобой!

Мир безумен, жесток, кровожаден.
Он – Зверёныш.
Он – Зависть и Мечь.
И единственное противоядие –
Ты пока ещё есть!

Ты меня не оставил.
И снова
Мир-Зверёныш завидует.
Пусть!
Я люблю Твоё Имя
И Слово.
Я – в Пути
И назад не вернусь!

И вот когда
Приблизились снега,
И севером дохнуло безысходно,
С весёлою повадкою народной
Зима легко легла на берега.

На берега задумчивой реки,
Засыпанной угасшею листвою.
Но осень шла тропинкою кривою
Всего на расстоянии руки.

И долгод был
Её прощальный свет
Берёзового золота в сосновом.
Но вот теперь её и следа нет –
Метель да снег, да сумеречно снова.

И так мгновенно
День уходит прочь –
Коротких семь часов, как семь жемчужин.
И снова – тьма, и сердцу не помочь.
Да и никто, никто уже не нужен.
Никто не нужен.

Жизнь моя, постой!
Остановись хотя бы на мгновенье,
Замедли день короткий и пустой,
Переверни картину светотени.

Я не хочу,
Чтоб день мой убывал –
Воронка тьмы расправится со всеми.
Но так центростремителен провал,
Что в нём сожмётся в точку
Даже время.

Ловушка тьмы – космический пробой.
Сто дней зимы – без света, без надежды.

Давно, давно
Расстались мы с тобой,
Но ты со мной, и я с тобой,
Как прежде.

Так значит, время
Всё-таки, оно
Не сдвинулось вперёд ни на мгновенье.
Но почему метель стучит в окно
И ветер гнёт
уснувшие растенья?

В мансарде деревянной
Свет солнечный – елей.
Моя подружка Анна
Справляет юбилей.

Сегодня Анна верит:
Печали вышли – в нуль!
С утра стучался в двери
Мальчишечка июль.

Он звал
Девчонку Анну
С рассветом выйти в сад.

И ей казалось странным
Чужое – «шестьдесят».

Да, вот так –
В холодных переулках,
Там где осень
Вышла на разбой,
Каждый шаг
Размеренно и гулко
Разводил судьбу мою
С тобой.

Далеко –
Теперь уже не слышно –
За спиной, за временем –
Беда.
Так случилось,
Так по жизни вышло –
Далеко-далёко...
Навсегда!

Мокрый город
В мокрых жёлтых листьях,
В эту пору
Акварельных слёз
Что же ты печальное замыслил,
Что ты невозвратное унёс?

Бродит мужик в лабиринте гаражном –
Тихой, пустынной, остылой порой.
Бродит, качаясь, походкой вальяжной,
Брошенный миром
Последний герой.

В ночь он уйдёт – безнадёжно и верно.
Облик его – мировое тавро:
Око – за око, скверна – за скверну,
Мечь –
За любовь и добро!

Вспомнит ли кто его доброе имя,
Двери откроет в наивном бреду,
Вот у того он рубаху отнимет
Или убьёт
За его доброту.

Бродит мужик в лабиринте гаражном –
Тихой, пустынной остылой порой.
Кто он? Теперь уже это неважно –
Брошенный миром
Последний герой.

На дикой окраине
Города дикого
Ночами глухими
Надеждой полны
Лишь звёзды живые,
Подобные крику,
Да в жёлтых одеждах
Осенние сны.
И странно в их золоте
Вещем и тёмном
Гулять до утра
И, почуя рассвет,
Вдруг разом
Волшебное слово припомнить,
Которого не было в жизни
И нет.
И страшным усилием
Высказать это
Волшебное слово
Мне будет дано.
Но память
Рубиновой искрой рассвета
Навылет прожжёт.

И сотрётся оно.

Глаза отуманены
Дальней дорогой.
Направо, налево – кипящий простор.
И много свободы, и времени много.
И лето восходит над пламенем гор.
Сосновое лето – зелёная птица,
Лети на поляну к избушке лесной.
Там мама моя у стола суетится,
И радио шепчет за тонкой стеной.
И девочка что-то рисует в альбоме.
И странно похожа она на меня.
Спокойное счастье, как солнышко в доме,
Гуляет, златым колокольцем звеня.

И много свободы, и времени много.
И лето восходит над пламенем гор.
И в небо уводит пригорок пологий,
Где путник идёт
С незапамятных пор.

Предчувствую,
Что я могу, мой друг,
Менять координаты временные
И узнавать миры иные,
В одну секунду исчезая вдруг
В их многомерных сотах золотых,
В их бесконечных странствиях дорог,
Где не разгадан каждый завиток,
И сроков нет, и слов пустых.
Предчувствую и знаю свой удел –
Искать моё потерянное Время.
Вот воробей хрустальный пролетел,
А вот летит берёзовое семя.

Вослед за ними сердцем устремлюсь,
Найду мой дом в оранжевом рассвете
И постучусь, как это могут дети,
Туда, где пахнет Русью
Русь.

ПАМЯТИ
СЫНА
СЛАВЫ

Ах, что и зачем, и о ком я?
Не знаю, не помню уже,
Лишь снега замёрзшие комья
Сугробом в застылой душе.

Но это – не горе, поверьте,
И нет – не причина для слёз.
Зачем только Ангелы смерти,
Уводят дитя на погост –

По насту босыми ногами
Навечно к просторам иным...
Ах, то ли ещё за снегами
Привидится часом ночным!

Какие морозы нагрянут,
Какие ветра прилетят!
И станут закаты багряны,
И в сердце откроется Ад...

Где-то далеко
Светило гаснет,
Словно навсегда,
Как моё невиданное
Счастье –
Мой ребёнок,
Мальчик мой –
Звезда.

Не ходи, душа,
За горизонт –
Там дорога долгая
И злая.

Не ходи –
Там детям не сезон –
Я-то знаю.

МОЛИТВА ЗА СЫНА

Бесится колючая метель,
Под ногами тропы заметая.
И звенит и плачет свиристель –
Это в небе молится Святая.

Помолись за деточку мою,
Пятница – Святая Параскева*.
Помоги, спаси, Святая Дева!
У креста могильного стою.

Помоги и ты, Святой Димитрий** –
Моего сыночка поведи!
На твоей златой, алмазной митре
Свет зажги в заоблачном пути.

* 8 ноября 2003 г. день Великомученицы Параскевы (Пятницы).

** 10 ноября – день Святого мученика Димитрия Солунского.

Не знаю, где душа моя.
Вмурована в кристаллы лазурита
И замерла, движение храня.
Хотя бы ты, запретная Амрита,
Спаси и сохрани меня.

Не знаю, где глаза мои.
Упали там, где слёз солёный бисер
Родил печаль и пестовал тоску.
Ноябрьский день
Повадкой лисьей
Назад уже не завлеку.

Не знаю, где следы мои.
Остались там,
Где свет восходит к небу,
И треплет ветер розовый веноч,
Клюют синицы крошки хлеба –
Где спит
Мой маленький сынок.

Закончилось лето.
И август прозрачен,
Как спелый янтарный ранет.
И солнце взошло
Совершенно иначе.
Как жаль –
Ничего постоянного нет.

А завтра листва потечёт золотая,
И снова в лесах запоёт листопад.
И жёлтую книгу,
Как время листая,
Я буду читать невпопад.

И вскоре
В березовой охре листвяной
Проявятся письма –
Твой почерк в строке
Долгожданной,
Заветная буква одна...

Сыночек, детка милая,
Проигран вечный бой –
Какими злыми силами
Разлучены с тобой?

Заплачет кто-то стансами,
А, может, запоёт –
Струна, струна цыганская,
Литавры и фагот.

Заплачет кто-то жалобно –
Труба, кларнет, гобой.
Когда могла да знала бы,
Поспорила с судьбой.

Всего лишь девять вечера,
Но за окном темно.
Смиримся, делать нечего –
Другого не дано.

Мой мальчик,
Я тебя узнаю
Во тьме,
В спящем свете дня,
В толпе.
В пустыне,
В настоящем
И будущем.
Узнай меня!
Уходит время
Шаг за шагом,
За флагом лет,
Как пёстрый сон,
Дороги из цветной бумаги
Летят за горизонт –
Куда-то в царствие Синая,
Где ты от холода
Продрог.
И я бегу и догоняю
Тебя
На каждой из дорог.

ЕВГЕНИЯ

Слезинка Бога –
Ясный день осенний.
Течёт листва –
Иначе ей нельзя.
И девочка
По имени Евгения
Летит пушинкой,
По ветру скользя.

Евгения.
Красавица Евгения –
Любимица ребёнка моего,
Фаната рока,
Ангела и гения,
Люби его!

Покинул мир
Безумный и жестокий,
Но не забыл,
Поверь мне, ничего –
Он видит нас
Из дальнего далёка.

Люби его!
Люби его,
Красавица Евгения.
В живом рассвете
Света торжество.
Ты, летняя, осенняя,
Весенняя,
Люби его!

Зима совсем некстати,
Но Ангелы летят.
И в белом, белом платье
Разгуливает сад.

И ангельские лица,
И ветреный фаягот –
Всё это мне приснится
В сиянье белых нот.

И там,
В полночном мире,
Всё повторится в лад:
Зима – весной в Сибири,
И Ангелы летят.

Вон там,
Где как подснежник,
От молнии – пробой,
Мой маленький,
Мой снежный,
Мы встретимся с тобой.

Всё, что было, и всё, что станется –
Перекрёстки ветров, цветы,
Поезда на забытой станции –
Детка милая, это ты.
Зацветает сирень в овражице,
Птица Феникс ушла в зенит.
Жизнь и смерть – это только кажется,
Это просто комар звенит.

В пустынном, забитом людьми и вещами
Заброшенном мире
Ты где-то, мой вещей, играешь на солнечной
лире.
За тонкой завесой цветущего райского сада
Никто не достанет тебя неприветливым
взглядом.

Играй же, играй, не бросай мою душу
в потёмках,
И я не нарушу ничем переборов негромких.
Я стану травы молчаливей, молчания тише.
Играй же, мой мальчик! Сквозь бездны столетий
Я слышу!

На краю Ойкумены ветра бушевали,
Расплескались моря,
Словно стаи пираний.
И уже не поймёшь, и узнаешь едва ли,
Жизнь ли это,
А, может, паденье – за гранью.
Ты не бойся,
Мы здесь ничего и не значим.
Мы, наверное, умерли
В трансе мистерий.
А иначе, зачем всё захлёстнуто плачем,
И материя взорвана
Антиматерией!

Но никто не заметил
Коварной подмены –
Видишь, друг мой, какие жестокие лица!

Но и здесь, на кровавом краю Ойкумены,
Я тебя обниму –
Пусть мгновение длится.

Вот в этой завешанной тряпками лавке,
Тесной и сирой от мелких забот,
Я сегодня куплю полмира,
Если, конечно, мне повезёт.
Ну, не полмира, так хотя бы полцарства,
Или вазу династии Мин,
Кем-то выкопанную из карста,
Похожую на сотни настоящих мин.
Нет, пожалуй, куплю безделушку
За полушку – и останусь довольна ею
На тысячу лет.
Пусть она помнит вот этот день,
Где меня уже нет.
День без тебя, год и два,
А сегодня – двенадцать жутких лет.
Ты прости меня за все слова,
Что сказаны без тебя... вслед.

2015

СОН

Вскипает розовое утро,
И сон о счастье недалёк.
Метель холодным перламутром
Погасит солнца уголёк.
Я не проснусь, я в сон поверю –
Нет ничего вернее сна.
Метель колотится за дверью
Пушистым хитрым умным зверем,
А мне всё кажется – весна,
Подснежник тихий у порога
И одуванчик золотой,
И вдаль летящая дорога...
Побыть во сне ещё немного,
Там – за невидимой чертой!
Да, я не очень осторожна,
Но пусть не кончится полёт –
Там – солнце, небо, Ангел Божий
Меня, весёлую, ведёт
К тебе, мой мальчик, мой любимый!
И вновь метель заносит след,
Но ты проходишь мимо (Мимо!)
За тонкой занавесью лет.

АНГЕЛУ МОЕМУ

Ветром воеет, собакой лает,
Чёрным лешим глядит в окно
Ночь осенняя, скука злая,
Да прогнать её – не дано.
Эхо носит, стучит по крышам
Серебром – ледяным дождём.
Ты не слышишь меня, не слышишь,
Не найдёшь одинокий дом.
Ставлю свечку в светёлке старой –
Ангел светом души ведом.
Хлещет дождь беспросветно, яро,
Лает ночь – не пускает в дом.

КОГДА-ТО

Тот прежний город – он внутри меня,
Прикинувшись безделицею дня,
Гнёт улицы пустынным лабиринтом,
Дома рисует методом репринта,
Трамвайным звоном в прошлое гоня.

Коронами воздушными искря,
Трамвай в песок кидает якоря,
Из каждого минутного простоя,
Пытаясь что-то выудить живое.
Но лабиринт придуман был не зря.

Бежит по рельсам кругом – в никуда
Трамвайных тел железная орда,
Вскрывая на ходу гармошки-двери.
Вот так добычу ожидают звери,
Так в чёрную дыру глядит звезда.

Безумная мелодия сама
Включается, колотится в дома –
Всё заросло мобильной паутиной.
В ней бьётся крик далёкий журавлиный,
И детский голос: «Мама, мама, ма...

Пригоршни звёзд в потоке чёрном,
Стальной занозой серп луны,
В ветвях берёзы нищий ворон
Экраном снов отражены.
В ночной симметрии зеркальной
Двоится мир. Змеится час.
Друг друга мы с тобой искали –
Но кто-то третий сглазил нас.
Твоё лицо – всего лишь в метре,
И к сердцу тянется рука.
Но между нами ось симметрии,
Рассвет,
Бессмертие,
Века.

КОГДА ЭТО БЫЛО...

Чуть тронешь, и тут же заплачет
Герань ароматом тоски.
Ты знаешь, ты помнишь,
Мой мальчик,
Побеги её высоки,
Округлы мохнатые листья,
Душисты соцветий венцы.
И душу, и сердце сиянием чистят
Цветов бубенцы.
И снова рассветною ранью
Малиновым радостным сном
Расплещутся розы герани,
И ты промелькнёшь
За окном.

ОСЕННИЙ СОН

Где-то бродит ни Зверь ни Птица,
Сон не идёт, и скучна молва.
Ах, не можется, не сидится:
Где-то мама моя жива.
Где-то, где-то в лесах далёких,
Инок странствует одинок –
Это мальчик мой синеокий,
Мой единственный,
Мой сынок.

Выйду из дому, встречу Инока –
Прочь берёзы лиственный стон!
Здравствуй, деточка!
Здравствуй, сыночка!

Осень. Ветер.
Осенний сон...

Погладь мои крылья,
Любимый,
Мой Ангел,
Мой Ветер Лесной.
Чужое проносится мимо
Горючими клочьями дыма
Сорочьей, синичьей весной.
Расплавленным
Золотом лужи,
Луна и цветок фонаря.
Всё в мире
Забыло о стуже,
Весенней заботой горя.
Но где-то
В зелёном засилье,
В берёзовой глубине,
Найди меня, милый.
Погладь
Серебристые крылья
Мне.

В дыму заката
Солнце тонет,
И остывает алый день.
В далёком колокольном звоне
Луны серебряная тень
Летит в простор хрустальной ночи
И зависает налету.
А толстый кот всё когти точит,
Залётной ночью спать не хочет.
И шорох слышен за версту.
В лесу пустом тропинкой лисьей
В каком-то запредельном сне
Идёшь, мой милый. Шорох листьев
Твои шаги несёт ко мне.
И я иду на этот шелест.
Дороги нет, как наяву.
Перебирает злато Велес,
Кидает под ноги листву.
Начнётся утро жёлтой вьюгой,
Злым говором дождливых струй.
И мы найдём с тобой друг друга.
Да что ты, милый,
Не горюй!

Радость моя,
Ты летай надо мной в облаках –
Где-то в далёких, далёких,
Но близких веках.
Там наш июль.
Он не станет уже ноябрём.
Там никогда не расстанемся
И не умрём.
Держат тебя
эфемерные крылья Любви.
Где же ты
В солнечных травных цветущих веках?
Позови!
Эхо взлетит
И откликнется в сердце, звеня.
Ты позови, мой любимый,
Окликни меня!

Янтарным ожерельем осень
Лежит внутри светящегося дня.
В неделе дней не семь, а восемь,
Одиннадцать, двенадцать –
для меня.
Когда-то мне цыганка нагадала,
Что злой потерей будет этот год.
И только эхо златом запоздалым –
Листом берёзы в ноги упадёт.
В один из дней, неизвестный по счёту,
Когда погаснут в небе сорок лун,
Возьму с собой берёзовые ноты
И стану вещью птицей
Гамаюн.
Смотри сквозь ветер,
Видишь ли, любимый,
Сияние живого янтаря?
Но ты опять уходишь мимо –
В глубокий вечный
Омут ноября.
Кричу ли вслед, прошу остановиться,
Ответа нет. И нет пути назад.
И только плачет Огненная птица,
Да по лесам
Гуляет листопад.

Никогда не вернётся осень,
Не заплачет златым дождём,
Вихрем огненным не означает
Осветлившийся окоём.

Мальчик мой,
Мой сынок единственный,
Снова в лето с тобой шагнём –
Ты рождён был
Зелёнолиственным
Днём июльским,
Священным днём.

Степь да небо,
Да синь-цикорий –
Твой не детский премудрый взгляд –
Принял всё человечье горе,
Как дожди принимает сад.
Он ещё так далёк неведомый
Роковой невозвратный год.
Мы не знаем.
Нет, мы не ведаем.
Свято верим –
Он не придёт!

ЦАРЬ МОЙ, ДРУГ МОЙ

Ветер времени воеет в трубе
Вселенской печи.
О тебе печаль моя, о тебе,
Не молчи!

Через вихри звёзд,
Всепожирающий сон Огня,
Слышишь, милый мой,
Слышишь меня?
Сквозь миллионы
Пылающих прошлых Лун
Я пою тебе вещью птицею
Гамаюн.

Льётся голос мой –
Выгорает беда.
Никогда не скажу я себе
«Никогда».

Слова значат не то, что ты хочешь сказать,
Поверь мне – совсем не то.
Гляди в глаза, но никогда не смотри назад,
Даже если пройдёт сто
Нескончаемо долгих лет.
Нет правды в словах, мой Амивелех,
Нет её, мой Тутанхамон.
Слышишь, звенит вместо слов смех,
А, может быть, колокольный звон.
Никогда не смотри назад, мой Амивелех,
Никогда, мой Тутанхамон.
Тысячи лет пройдут вместо ненужных слов
В шёлковой тишине.
Твой самоцвет, твой Дух –
Твой золотой улов,
Станет спасеньем мне.

Деревья не отбрасывают тени.
А в полночь звёзды
Душу прожигают.
В краю твоём
Я стала привиденьем.
Я – ветер.
Я – струна его тугая.
Остановись, замри –
Мой голос долог
И заунывен, может быть, немного,
Как шелест кедра,
Хвойный звон иголок.
Ты помнишь их,
Мой мальчик-недотрога!
Тот самый кедр,
Тот самый огонь заката,
Тот самый дом,
Как сон неутолимый.
Мы были там,
Мы жили там когда-то.
Мы просто
Были Ангелом любимы.

Мы видели с тобой один и тот же сон,
На плато, в горные отроги
Был ветром каждый вознесён,
Где долгий бег в пустыне без дороги
Нас должен был соединить.
Небрежно нить ручья в ущелье бросил Велес.
Хотелось пить,
Ты помнишь, пить хотелось.
Но я тебя любила, так любила,
Что ты взлетел к высоким облакам –
Откуда брал ручей своё начало.
А я, полёт боясь остановить,
Вдруг замолчала.
И вот одна. Карминовый закат
Пустынным скатом всплыл
Над перевалом.

В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ

Ты растворился в каждом и во всех –
У них твои глаза,
Улыбка,
Смех,
У них твоё, твоё сердцебиение,
Движения, поверишь ли, точь-в-точь.
И ты – как все.
И ты уходишь в ночь.
Неоновые гвоздики минут
Тебя минуют, в сердце не кольнут
И кожу не сдерут за опоздание.
Они уже не знают, что крушить.

В пустом, но людном зале ожидания
Не больно умереть,
Но больно
Жить.

ИЗ НОВЫХ
СТИХОТВОРЕНИЙ
(2010–2014 г)

В ПУСТЫНЕ

Где только я ни скиталась, о Господи Боже!
В старых домах деревянных, в кошачьих дворах,
В сёлах заброшенных,
Словно близняшки, похожих,
Словно матрёшки, друг в друга роняющих страх.
Времени было отпущено –
Воз да большая тележка.
Все небылицы цеплялись за спицы колёс –
Бабы Яги, Змей Горынычи, ёжки да пешки,
Пчёлы-солдаты и стаи озлившихся ос.
Встанешь, затихнешь,
И сгинет фантом небылицы.
Что ж ты напрасно бредёшь? Всё бесследно ушло.
Лишь в облаках проступают любимые лица,
Дом бессловесным забвеньем давно занесло,
Сердце опутали Дантовы птицы и змеи.
Тайное слово напрасно мерещилось мне.
Божье прозреньё скрывать от себя не посмею –
Мир одинок небывало,
Как Странник во сне.
Съёжились люди
В кусочки шагреновой кожи.
Что я искала? – скажи мне,
О Господи Боже!

СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ

В просторах лета детство заблудилось –
Ромашками повисли голоса.
Телега едет, в пыль роняет силос,
Ворует мёд янтарная оса.
Веранда солнцем яростным прогрета.
Июль лежит котом вдоль половиц
И видит сон, где девочка-комета
Ему для игр насыпала синиц.
И время спит. И я во сне уснула.
Июльский мир – в матрёшке облаков.
И день спешит в бессмертный Закоулок
Тупых Царей и Умных Дураков.
Превосходящий всех их, вместе взятых,
Ленивый кот и ухом не ведёт.
Оружие забросили солдаты,
И – в поле, собирать цветочный мёд.
Там девочки давно сидят в ромашках.
Там хорошо – в июльской стороне!
Там бабочки, стрекозы и букашки.
Там сон во сне.
Я там и здесь. Серебряная нить
Пока ещё удерживает груз.
Не вздумайте меня будить,
Будить,
Будить...
Я не вернусь!

Искусство – ложь, несущая правду.
Поэту-смертнику не лгать ни дня.
Правда ведёт в казематы ада.
Хочешь ли ты Огня?
Сгустки времени, сгустки крови,
Реки, вышедшие из берегов.
В наушниках – новый седой Бон Джови,
А слышится плачущий Мариенгоф.
В наушниках – космос гудит весенний,
Пространство трещит по швам,
А слышится имя – Сергей Есенин.
И голос:
«Хочу к вам!»

КТО ТАМ?

Я встану днём, поскольку ночь сбежала
Гюрзой пустынной, странницею зла.
Погладила расцветверённым жалом
И уползла.
Кругами рая вскинувшийся город
Стучит в окно и требует любви.
Он, как зипун состарившийся вспорот
Вестями на крови.
И что с того, что каждый твой приятель
В бетон замешан пылью вековой.
Он всё равно любезен и приятен
И знает всё о Третьей Мировой.
Поговорим о пятом и десятом,
Держава, дескать, нынче хороша!
Мелькнёт над нами в облаке измятом
Какая-то заблудшая душа.
Приятель скажет – Ангел!
Всё быть может –
Я спорить не намерена совсем:
Когда-то динозавром станет ёжик,
Кто был ничем, тот снова станет всем.
Запахнет воздух молнией ванильной,
И туча кремом ляжет на карниз.
Жить просто так – наверно, это сильно!
Но кто ж там, всё же, в облаке завис?

ХЕРУВИМ

*Памяти жертв крушения
малазийского Boeing-777
над Украиной*

Где-то в просторах высот беспредельных
Еле слышим, неуловим,
Рвёт стратосферу стрелой прицельной
Дюралюминиевый Херувим –
Лайнер крылатый и рукотворный.
В чреве спрессованы сотни людей.
В небе рыдают валторны
Сквозь голоса детей.
Вот просвистело мгновение мимо,
Кровью омыло окно.
Сколько отпущено жить Херувиму,
Столько и детям дано.
Вечной любовью их Смерть полюбила.
Что это было?
За что это было?

МОЯ МЕДИТАЦИЯ МАО

Спрячусь в самый дальний пещерный дзен-дацан.
Мысленно заварю крепчайший кофе.
Мысленно попрошу: «Мао Цзэдун-сан,
Помоги вере моей, ты ж величайший профи!»
И услышу голос Великого Кормчего: «Да!
Заходи.
Захвати кофейку для сладчайшей беседы».

Будем сидеть за низким столом, будет петь вода
где-то в глубинах пещеры.
Припомнятся Веды,
Библия, Тора, Коран, Иисус и пророк Магомет.
Просветлённый и сильный,
Мудрый красивый Будда
Белым лотосом расцветёт в океане лет.
Слава Великому Кормчему за великое чудо!
Я и раньше думала именно так:
Мао Цзэдун-сан – реинкарнация Будды!

Ну, держись теперь, воинственный мир-чудак –
старикашка злобный, жадина и зануда!
Ты преступил все Законы Дао!

Слава Великому Кормчему Мао –
Марксистскому воплощению Будды!

ДЯДЯ ВАНЯ

Нет, не согнуть заботам дядю Ваню –
Деменцией сосед обременён.
Вот разум мой – вполне оцеллофанен
И оцифрован. Значит, сохранён.
Зато сосед – лихой стабилизатор
Любых вождей, любых приказов их.
Он любит всех – и лысых, и носатых.
А кто не любит – враг народа, псих!
С моим соседом, милым дядей Ваней,
Вполне в разведку можно уходить.
Он на пути врага скалою встанет –
Его не подкупить, не зафлудить*.
Он патриот – красавец дядя Ваня.
Его чужой посулом не обманет.
Вот если свой – с бутылочкой, тогда –
Другое дело!
Братья навсегда!

*Зафлудить – заговорить, обмануть.

ВЕЛИКОЕ НИЧТО

Шаткий, ненадёжный, суперсложный
Горький мир Полынным Древом взрос.
Это было так неосторожно
На краю окраин в царстве Оз.
Явится Вселенная под вечер –
Сытая играющая Рысь.
Маленькая капля – человек,
На листке полынном удержишься!
Выживи, великое Ничто –
Шарф надень
И застегни пальто!

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Любовью ангельской мама любила жизнь.
Любовью ангельской отец защищал маму.
Ангел-Хранитель, не оставь их, не отшатнись
В той далёкой, высокой обители – в той самой!

Братья мои – два любимых моих столпа,
Оба навек ушли неслышимыми шагами –
Где-то в невидимых далях серебряная тропа.
Ангел-Хранитель, любовью, надеждою,
Помогай им!

Мальчик мой, мой сынок, ты любовь моя,
Вечный Странник по звёздным просторам ночи.
Где они твои, невозвратно летящие вдаль края?
Ангел-Хранитель, любовью моею
Сбереги моего сыночка!

ЕСЛИ ВДУМАТЬСЯ

Уходит странником-одиночкой
В бессрочный туманный свет
Прошрое. И кажется – всё непрочно,
Ничего никогда не было, и сейчас ничего нет.
Только где-то грызут границы
Моего королевства – крысы.
А может, наоборот – жар-птицы
Хотят подарить волшебные перья.
Всё теперь от того зависит,
Во что Я поверю.
Захочу, предо мной – бриллиант, захочу – яшма.
Всё так хорошо! Но если вдуматься –
Страшно!

Под Новый год звоним друг другу
И что-то долго говорим.
А за окном несёт округу
Весёлым ветром в «Новый Рим».
Дома, гуляющие бараки,
Вороньей стаей мчатся в ночь.
Тоскуют волки в буераке,
И время отлетает прочь.
Ну что сказать тебе, подруга –
Что жизнь просрочена давно?
Ну да! И вьюга, только вьюга
Стучится нищенкой в окно.
Да ничего, всё будет славно –
Весна придёт, и мы с тобой
Ещё подумаем о главном.
Не кончен бой!
Ещё сиренью вспыхнет лето,
Ещё ромашка расцветёт.
Ну, что ж – давай, мой тост за это!
Поют куранты! Новый год!

ПОЭЗИЯ

Автоответчик сказал – не слышу,
Говорите громче, мадам.
Голый дождь молотил по крыше,
Под окном матерился мальчик –
Шустрый не по годам.
Говорила громче, но в трубке пусто –
Эфир искрил и гудел, словно ночь, в ответ.
Была и сказочником и златоустом,
Но выяснилось, там – никого нет.
Ну, что ж, говорила сама с собой –
А может, с Богом была беседа.
Иногда из бездны всё же слышалось – бой,
Иногда – победа.
Даже если всё это странно слишком,
Всё равно – говорите громче, мадам,
Ведь за окном бегают всё тот же мальчишка –
Шустрый, не по годам.

УЛИЦА ЛЬВА ТОЛСТОГО

В городе этом,
По самые окна заваленном листьями,
Люди, как мыши, шуршат
Непотребными мыслями.
Бабочка жёлтая странно сквозит в листопаде,
Кратким обманным теплом уносимая в ад.
Славные тёти и столь же бомжистые дяди
Лезут бутылки собирать в городской палисад.
Осень. Октябрь. Обнажилась разруха-старуха –
Грозно грызёт, догрызает старинный пассаж.
Выбиты окна. В провалах печально и глухо
Воет сквозняк да гуляет купеческий страж.
В доме разрушенном есть неприметные двери –
Вход на второй, сохранившийся чудом этаж.
Там, под высокими сводами ангелы-звери
Эры купеческой помнят былой эпатаж.
Помнят обеды и танцы, девичьи фигуры,
А по утрам колокольный серебряный звон.
Нынче этаж называют отделом культуры –
Глупая шутка купеческих новых времён.
Было бы, впрочем, наивно
Искать здесь чего-то иного –
В схроне руин
На разрушенной улице
Графа Толстого.

ЛЕГЕНДЫ АЛТАЯ

*Памяти брата Николая –
ночного велосипедиста*

Шиповник – роза Метанойя*
В час сумерек туман восточный мглист,
А в нём, не зная страха и простоя,
Летает призрак – велосипедист.
Бесшумно, ниоткуда возникая,
Летучей мышью, тенью промелькнёт.
Должно быть, у него судьба такая –
Ломать пространство сумрачных тенёт.
Несёт велосипед его крылатый
В зрачок Луны, взорвавшей горизонт.
Так чётко силуэт на горном плато.
Зарницы. Ночь.
Алмазный звёздный зонт.
Хранят вершины тысячи историй,
Здесь Дух с людьми на равных говорит.
Шиповник – роза диких плоскогорий
Благоухает.
Млечный Путь искрит.

Метанойя – плетистая крупная роза.

БЫЛО ЛИ ИМЯ МОЁ

Как оно значилось, имя моё,
Я и вспомнить теперь не могу –
Град Огнеград или даже Мохенджо-Даро.
Помню – жемчужные розы цвели
На крутом берегу,
Да в синеве океана качалась влюблённая пара –
Люди, а может, дельфины мелькали вдаль,
Или русалка с её женихом-утопленцем.

В кружево неба
Невольницы Время навечно вплели
И уложили к ногам Божества полотенцем.

Там, в этом свитке,
Лежит невозвратная прошлая жизнь –
Ей не воскреснуть, не выстрадать даже минуты.
Там – Огнеград,
Улетевший синицей в небесную высь,
Город, презревший навек притяжения пути.

Там, в этом свитке,
По улицам дымным и жарким моим
Бродит царевна, ища Божество Милосердя.
Я – Огнеград, я – летучий земной Аркаим.

Впрочем – всё это не так.
Вы рассказам и сказкам не верьте!

Прошлого нет –
Может, люди
Вчера народились на свет.
Было ли имя моё,
Да и прочее – было ли, было?
Мир существует?
А, может быть, нет,
Нет,
Нет!
Помню только – царевна
Кого-то уж очень
Любила.

ПРАВОСЛАВНЫМ

Запрячусь в июле в ничейные дальние дали,
Туда, где вода по колена берёзам стоит.
Здесь гномы
С клубничным вареньем меня ожидали.
А сплетники пусть сочиняют, что это пещера Аид.
Сойдутся зеркальные грани. И пусть!
Невозвратно!
Аид где-то вне громыхает прицельным огнём.
Спешите ко мне, добросердные сёстры и братья,
В ничейные дали! Мы новую эру начнём.
Когда-то же надо нам встретиться в мире
Разумном.
Звериные когти – шпионский значок сатаны,
Смотрите внимательно – слуги его хитроумны.
Но, братья и сёстры, мы – вместе!
Мы славою Божьей сильны!

ТЫ РОДИЛСЯ

Выискивая солнце за окном,
Герань цветным таращится пятном,
Таранит стёкла верой и любовью.
И зайчики играют в изголовье,
Пока мальчишка спит
Янтарным сном.

Когда придёт минута колдовства,
В сознании проклянутся слова
И мамин профиль нежностью неясной –
Остановись, мгновенье, ты прекрасно,
А темнота смиренья не права!

Мечтая всё в забвенье унести,
Не встанет смерть у жизни на пути,
И все проделки позабудут черти.
Владеет жизнь секретами бессмертия.
Проснись, поверь и с верою иди!

ПЁС

Ночной неон – холодный и пустой
Блится бабьей наглой наготой.
Голодный пёс – асфальтовое чудо,
Явившийся как будто ниоткуда,
Пустынных улиц схвачен немотой
И оглушён своей летящей тенью.
Он был бы рад мутировать в растение,
Избавиться от боли неврастеньей,
Из глубины земли лакая соки,
Стать неподвижным, вечным и высоким.
Всё было бы неплохо – то и то,
Хотя б родиться мальчиком-посыльным.
Но пёс есть пёс – ему бежать в ничто.
И он бежит, шарахаясь бессильно.
Блится небо жуткой наготой,
Горит неон – холодный и пустой.

Утащит в жерло Бездны круговерть,
Заплачет слово нежное «поминки»,
Когда родных лучами выжжет смерть,
Не оставляя пепла и песчинки.

Когда и сердце выгорит дотла,
И посмотреть на фото станет больно! –
Мне вновь подарят жизнь колокола,
Их ломкий звон над городом престольным.

Звучат, звучат родные голоса –
В церковном хоре слышу их мотивы.
А может быть, пасхальная роса
Звенит в соцветьях выстуженной ивы.

Я вижу глаз любимых лазурит
Во взгляде каждом. В мире вечном людно.
Синица долго что-то говорит,
И, кажется, понять её нетрудно.

АУ!

Осталась в десятом классе
Черёмух цветущих взвесь.
Ау! Откликайся, счастье!
И кто-то шепнул – я здесь!
Летучее слово тенью
Взметнулось над головой.
Приём! – узнаю весенний
Твой почерк и голос твой!
Мы жизнью болели страстно,
Бессмертными были. Да!
– Ау, возвращайся, счастье!

– Никогда...

ВЕЧНА

Пленённые наличником окна,
Ночуют звёзды в рамочке бездонной.
Гвоздями одуванчиков весна
Пришпилена к поляне заоконной.
Восточный ветер гонит город в ночь,
Гадает по бродячим бензовозам.
Он прикорнуть под крышею не прочь,
Да только жить осёдлой жизнью поздно.
Летит к финалу грозный кайнозой,
И смысла нет в потерях и опорах.
Восточный ветер майской стрекозой
В окно стучит
И шелестит в притворах.

Время вскрывает всё, что следует вскрыть.
Облака клубились безглазого гнуса,
И всякая мошка являла железную прыть,
Вопила – дескать, надо слегка согнуться,
Сломаться пора и совсем навсегда уйти
Туда, где в болото течёт, пропадая, речка.
А мы твои отследим пути,
И, может быть, даже помянем –
поставим свечку.

Но из тех самых дальних вечных пределов – сын,
Москитами съеденный, кричал: «Не окончен бой!
Скоро уже Справедливость обратно качнёт весы!
Помни имя моё, родителей, братьев –
Мы все с тобой!»

Время открыло двери, и вот он здесь –
Домик наш в крапивной глуши деревенской.
И всё, что было, и всё, что есть –
Только ты, любовь моя!
Лови – шлю тебе СМСку.

ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА

Вот Ангел шагает навстречу к вам,
Алмазный покинув небесный вигвам.
Сияет лик его, белоснежны крылья,
Отмечен след его жемчужною пылью.
Потерпите немного, Ангел полюбит вас –
Слышу, слышу его серебряный глас.
Обещаю – не будет уже ни обид, ни слёз,
Только новое небо, только поляны роз,
Хрустальные реки, пение вечных лир,
Бессмертие, счастье, свободный сияющий мир.
И никогда не воскреснут даже и тени зла –
Ненстоящая прежняя жизнь прошла.
На ветвях окажется тот самый запретный плод,
И никто не найдёт его, не сорвёт.
Миллиарды грешников вернуться в Адама и Еву,
И не созреют для жатвы гроздьё Божьего гнева.
Вернутся реки и небо – лазурь, сапфир,
И всех, кто не верил,
И всех, кто верил
В бессмертие примет
Мир.

Дымно-нежный, прозрачно-вьюжный
Снег летел серебром летучим.
Всё казалось пустым, ненужным –
Смерть убьёт, ну а жизнь – замучит.

Кто тебя в этот мир забросил?
Безнадёжен надежды лучик –
Если правда тебя не скосит,
Смерть убьёт, ну а жизнь – замучит.

Ты летел в этот мир бессмертным,
Но упал лишь звездой падучей.
Люди – маленькие интроверты,
Смерть убьёт их, а жизнь – замучит.

Дай мне, Боже, любовь в основу
И бессмертия райский ключик,
И не дай мне понять простого –
Жизнь убьёт, да и смерть замучит.

А в окне, как во сне, загорелась звезда.
Где-то там, далеко, погасили светило.
Вновь Высоцкий поёт: «Холода, холода...
Всё так ладно, но что-то же я упустила.

Время мимо крадётся, следов не храня,
И не хочет звучать старый диск из винила.
Я любила когда-то. Любили меня.
Но ведь что-то же я навсегда упустила.

И поставлена кем-то в углы тишина
И молчит, словно царь, укрощённый Аттила.
Завтра утром в окно постучится весна.
Я себя не прощу. Я себя не простила.

ФЕВРАЛЬСКОЕ

Вот сейчас в плену холодов ветрянских
Умереть недолго, да и совсем не жалко.
Зарастёт окно марсианской узорной ряской,
На подоконнике поселятся воробьи да галки.
И когда-нибудь в эту воробьиную сказку
Забредёт смертельно усталый сталкер.

Может быть, я навеки его погублю,
Как царевна сибирская печенега.
Скоро, скоро уже не бывать февралю.
Прорезаются где-то цветы из-под снега.

ДЕД МОРОЗ

Улыбкой медного сатира
Холодный месяц небо жжёт.
Январь царём взошёл над миром.
В кремле грохочет Новый год.
Во глубине теплоцентрали
Мерцают пятки чьих-то ног.
Там дед по кличке Трали-Вали
Зажёг украденный пенёк.
И вот – тепло, уют и воля,
Доволен дедушка вполне.
В кармане – пайка хлеба-соли.
— Что ж, на войне как на войне, –
Бормочет дед, и по привычке
Суёт в подкладку зипуна
Окурки, клоч газеты, спички –
Гуляй да помни, старина:
Чужое ухо к слову глухо.
Никто? – так вон и со двора!
Ох, не всегда идёт везуха,
И завтра – это не вчера!

Крикнул ворон «неверное»
Эдгар По

С вороньим словом «никогда»
Гуляют вьюги снежными чертями.
Крадутся расписные холода
И по стеклу царапают когтями.
В морозе лютом
Острый скрип висит,
Скользит нога ледышкой по ступеням.
Сквозь тонкий полог поднебесных сит
Луна плывёт
Серебряным тайменем.
Броди всю ночь, ведь сторож крепко спит.
Притихли птицы
Где-то по застрехам.
И лишь киоски – вечный общепит,
Работают,
И ночь им не помеха.
С твоим железным словом «никогда»
Я не смирилась.
Нет во мне смиренья.
Крадутся и крепчают холода,
Но воздух пахнет
Розой и сиренью.

НОВЫЙ, НОВЫЙ, НОВЫЙ ГОД

Сквозь космос проступающие ёлки
Высвечивают праздничный сарай.
Да, приходили зайцы, лисы, волки,
И отбыли давно в звериный рай.
За пошлость и шансон, за праздник тела
Я всех бы их снесла по одному
Туда – в заиндевелые пределы,
Где их «молитв» не слышно никому.
Где кончен день, давно истлели сроки,
Охраны нет, в безмолвии равнин
Стрекочут оголтелые сороки,
Предвестницы Звериных именин.
Устала Русь! Глядит из-под ресниц
На жирный пир боярина чужого.
Идёт рассвет в одеждах заряниц
Сияньем заповеданного Слова.

РОССИЯ

Не знать Зверям, стучащимся извне –
Клубится вечным космосом во мне
Седьмое измерение души.
И кажется беснующимся им –
Они поймали в клетку Аркаим,
И вот пытаются Ангела в огне.
Но знать ли им, покрытым шерстью зла –
Я птицей улетела в зеркала,
Минуя подлость, когти и ножи,
В седьмое измерение души.

Здесь никто не болеет – болеть некрасиво.
Не стареет никто – нет привычки такой.
Не ржавеет авто и орущий ресивер,
И весёленький Ангел всё машет рукой.
Гуттаперчевым дням – ни конца и ни края,
Никогда не кончается подвиг еды.
Гармонист по заказу, что хочешь, сыграет,
И колдун отведёт от костлявой беды.

Вот светило взойдёт и покатится плавно,
И трубач приготовит парадную медь.
И довольный творец будет долго и славно
Сквозь меня
На счастливую Землю глядеть.

ОПУСТЕЛА ДЕРЕВНЯ

Тени плодятся в израненных окнах деревни.
Солнце ещё не взошло, но отчаянья ноет оса.
Кончилось время моих ожиданий
С кислинкою ревеня.
Как невозвратно дороги пронзают поля и леса!
Вот и захлопнулась где-то в пространстве
Заглушка,
И не осталось следа на скрипучих дубовых полах.
Что я ищу в этой брошенной богом избышке?
Что обрету в обомшелых пустынных углах?
Память рисует и сказки плодит расписные,
Но заржавел и не сдвинется с места засов.
Жизнь не вернётся сюда,
В паутинные стены сквозные –
В церковь летучих мышей
И прибежище сов.

Рассвет падает кровавой раной.
И каждый должен быть готов
Пленённым
Поздно или рано
Змеиной хваткой городов.
Громады их тесны и нищи,
И неизбежна страсть зимы.
В бетонных дебрях время свищет.
Забудут нас. Забудем мы.
В асфальт и камень лягут орды
И не восстанут никогда.
Ну, а пока стучит в аорту
Безумье птичьего гнезда,
Где стены шатки, скучны книжки,
Часы отсчитывают миг,
Где из весёлого мальчишки
Всегда рождается старик.

ВЕРА ЗНАНИЕ БОГА

Поднялась присказка с тёмного дна,
Выбросил омут – дескать, лови, подруга!
А присказка эта была не одна –
Чёрное облако смертного круга.
Шелестящий снег говорил – беги!
Змеящийся ветер обещал подмогу.
Кто-то огненный пёк из воздуха пироги –
Дескать, ешь, только не ходи к Богу.
Слева-справа летел шепоток-кипяток:
Берегись, сторонись, Ангелу дай дорогу.
Не гонись за ним – светел он да вельми жесток.
А мы даём всего, всего понемногу.
Шептали долго, да всё было не так, не то.
Миллионами слов душа разрывалась в клочья.
Я не помню – как, только помню, что
Ярый День вставал
Сквозь омут живородящей Ночи.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Гудящий, клубящийся век двадцатый
Уже далеко позади и распят на кресте.
Уже не догнать ему двадцать первого –
Персоной нон грата
Летящего в пустоте.
Двадцать первый –
Змей Горыныч сверхзвуковой.
Роковой.
Рискующий каждой своей головой.
Кровавый, но всё же летящий.
Жестокий, но хрупкий
И как-то нечеловечески
Настоящий.

БЕССМЕРТНОЕ ДЕТСТВО

Вы помните несколько лет,
Тех самых, когда мы были ещё бессмертны –
Несколько лет, что родители нам сберегли.
С неба летели конверты
От Бога –
Жизнь и любовь, только жизнь,
А печаль – всего лишь осень,
Летающие вдаль журавли.
Потом отобрали у нас бессмертие,
Но дали игрушку –
Надежду на то, что учёные смерть победят.
Присмирившие и уже какие-то почти бездушные,
Мы стали играть верных ленинцев и октябрят –
Таких умных, всё понимающих,
Идейных Ментов.
Будь готов! Всегда готов! –
Андантэ, адажиэтто, аллегретто!

Но несколько лет,
Всё же, несколько лет
Мы были бессмертны!

НА УЛИЦЕ МПС*

1.

Возле домов деревянных скрипучих
На улице МПС
Лес рябиновый, плач горючий –
Слёзы кровавые падают прямо с небес.

Тяжесть гроздьев – к жестокой стуже,
Затяжной зиме, ветрам ледяным.
Ну, что же – тем лучше, чем хуже!
Отсюда рельсы уводят к мирам иным.

Здесь, возле домов деревянных, скрипучих,
На этой самой улочке МПС,
Лес рябиновый, плач горючий,
Рельсы стальные вдали
Упираются в твердь небес.

* Улица Министерства путей сообщения в Бийске. С этой улицы в большой мир уезжал Шукшин.

2.

Вокзал станции «Бийск» –
Цветной игрушечный теремок.
Осень печалится, ветер гудит золотой.
Мог ли это представить себе Шукшин...
Наверное, мог –
Даже в прежние времена. Даже в реальности той,
Что предъявляла ему свой несправедливый иск –
Мало ли кто приобщится к звучанию лир!

Здесь, от вокзала крошечной станции «Бийск»,
Начиналась дорога в мир.

Если я засну, никто не закрутит кран –
Слышишь, капли стучат в позабытое блюдце.
Никто не выключит радио, не польёт майоран,
Терминатор не сможет в будущее вернуться.

Если я засну...
А ведь я засну –
В сон уходят даже цари и князья!

Обещаю не спать,
Но если засну,
Берегите себя, друзья!

ПЯТЫЙ АНГЕЛ

Гол как щегол. Один – в бетонных куцах.
Ни жив ни мёртв, не слеп, но и не зряч.
Со всех сторон сжимается всё гуще
Глухое время
Смертных неудач.
Но он привык. С уверенностью Ноя
Давно презрел шептание часов,
Бездомных звёзд кипение ночное,
Сирены лай
И хватку гончих псов.
Он был не раз мишенью и добычей.
Не раз толпой растерзан и убит.
Но он воскрес –
Таков его обычай.
Настанет час,
И Ангел вострубит.

РАЙ

Кошка сидит на перилах,
Гаснет закат в дыму.
Полутонами берилла
Сад примагнитил тьму.
Мама идёт с огорода,
Лейку несёт в сарай.
Ткёт паучок погоду...

Там, в середине года,
Так и остался рай.

В ДИКОЙ СТЕПИ

Большая птица пролетает мимо
Скользящей тенью смертной пантомимы.

К зениту возносящие крыла
Влекут владельца хищного трансферта:
Степной охотник, снайпер Абдулла –
Большой сапсан выискивает жертву.

Идёт охота – может, на мышей,
А может быть, на Ангелов охота.
Невидима фантомная мишень,
Прицельна траектория полёта.

У смерти нет ни имени, ни дна.
Большая птица. Небо. Тишина.

Сегодня богатые черти брачуются
И свадьбы играют – им нравится пятница.
Они приискали невесту из Юицы –
Красивая девушка, белое платье.
Они приискали невесту из Индии,
Ещё из Таиланда и Новой Зеландии.
Одна называется именем Синтия,
Другая зовётся волшебно – Гринландия.
А русские девушки их регистрируют.
А русские девушки свадьбы приветствуют
И нужную радость свободно текстируют.
А там, за окном, беспризорное детство
На детской заросшей полынью площадке,
Как прежде, играет со временем в прятки.

ЦАРЬ АЛТАЙ

В центре Евразии внутренний бьётся огонь –
Там, где сошлись воедино Монгольский
Алтай, Сайлюгем,
Южный Алтай – огнегривый базальтовый конь.
Осень в седле, и не делит дорогу ни с кем.
Златом лиственным вершины и склоны дымят.
Воздух горит, превращаясь в опасный азид.
Время уходит, в сердца разливая крепчающий яд.
Только орёл одиноко и грозно над миром Сквозит,
Только летят над землёй облаков терема.
Скоро зима.

ФУТУРУМ

В густой тоске непрожитых минут,
Ещё идущих где-то, шелестящих,
Ещё пока совсем не настоящих,
Я чувствую каркасы вещества –
Запавшие друг в друга пирамиды,
Какие-то сады Семирамиды,
Игольчатые ветви и слова.
И ёжится весь мир клубком колючим.
Вот-вот он вздрогнет,
Выйдет в никуда.
И скрипом вёсел в прорезях уключин
Наполнится галактика тогда.
Мы поплывём в разбитой лодке утлой.
Мы будем знать –
Всему приходит срок.
Воздушный нежный тонкий пузырёк
Продержится ещё одну минуту.
Ещё видна заката полоса,
Ещё слышны живые голоса...

И.К.

Эта девочка любит демонов.
Курит всё, что влетит в пальчики.
Ей не надо ни Джона Леннона,
Ни каких-нибудь сытых мальчиков.
Ей бы ночью бродить с кастетами,
Воевать с ведьмаками-своднями.
Металлическим басом сетует,
Дескать, где она, преисподняя?
Говорит: «Вы моржи нанайские –
Бессловесные, монотонные.
Гниль и зло ваши кущи райские –
Свалки мусора, сны бетонные».
Но порою стучится смертное,
Что-то страшное, невозвратное.
Шепчет девочка: «Вы не верьте мне!
Просто я потеряла брата».

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

Старинный фонарик на скатерти старой,
Китайская трубка – двойник телефона,
Зелёная юность, кофейная нега загара –
Детали умершего, стёртого временем фона.
Но что-то осталось,
И время над этим не властно –
Неясная тень или след на опасной границе,
Мерцание тонких ромашек глазастых,
В пространстве сияющем
Чьи-то прекрасные лица.
Мелодия жизни осталась в дыхании ветра
Звучать голосами свирели и флейты далёкой.
Ты знаешь, мой друг,
Мы, наверное, всё же бессмертны.
Мы были всегда в этом мире
Всевидающим Оком.

ЗНОЙ

Углами крыш терзая тучи,
Кипит смолой и смрадом город.
И в этой завязи кипучей
Скрипучий ворот тащит день.
Летают Ангелы дозором,
Читая свиток с приговором.
Но бродит меж домами Лень,
В тенётах тиская любого.
И вряд ли кто услышит Слово.
Пьеро прощается с Мальвиной –
Любовь и смерть наполовину.
Скрипучий ворот тащит день
И через край переливает
В закат последнее ведро –
Живую музыку трамвая.

ЖАННА

Когда опять расстрига-жизнь проймёт,
Музейный сумрак – холодный валидол:
Она тайком ласкает пулемёт –
Ей нравится его ребристый ствол.

Быть может, Жанна, может быть, Жеймо,
В тройном тысячелетии она
За амальгаму времени в трюмо
Уходит от пожизненного сна.

Пусть имя Жанна жжёт сердца людей,
А пулемёт горяч, но молчалив,
Трассирующий ветер-лицедей
Играет за окном ветвями ив.

Ты знаешь, ей фатально повезло,
Словами Жанны Время говорит,
Зовёт печаль воинственно и зло,
Как сотни предвоенных «Рио-Рит»*.

* Рио-Рита – танго танцевальных площадок в СССР в довоенное время.

ОХОТА НА ОРЛА

...избежать клюва Орла.

К. Кастанеда

Этот пернатый на небе дремлет,
В чреве его исчезают дни.
Орёл, поедающий Время,
Верни мне сына,
Братьев,
Родителей,
Всех верни.
Сюда, на это моё крыльцо,
Через это зеркальце,
Через кольцо
Любви,
Всех до единого!
Их золотые дни!
Немедленно мне верни!

В глубинах цветка звеня,
Вселенную сон обрёл.
Тихо в омуте дня.
Не спрячешься от меня –
Я слышу тебя,
Орёл.

НАДЕЖДА АЛЛИЛУЕВА

Жизнь – безобразный и грубый микс
Цветения лотоса и страха тления.
Хочешь, буду маленькой буквой Икс
В ужасно сложном твоём уравнении.
И вот однажды, мой милый друг,
Родится программа простого решения.
Буква Икс в перекрестье остывших рук
Совершит самосожжение.
Ты превратишься
В действительное число,
Величину интегральную.
«Я такой же, как все,
Просто мне не везло!» –
Скажешь фразу исповедальную.

Анубис вечен, зол
И одинок,
Он знает толк.
И только он один.
Скажи ему, юнец «бессмертья нет»,
И он ответит.
Слышишь ли ответ?

Вода бушует,
Вихри шелестят,
И кормит молоком живая львица
Своих близняшек,
Золотых котят.
И лишь сомненье старится
И злится.

ЗАБЫТОЕ СЕЛО

Вертикальный дождь идёт
По хрустальным лужам.
Южный год – дождливый кот,
Тихим странником бредёт –
Никому не нужен.
Спит забытое село
Жёлтым сном повинным
И качает тяжело,
Словно дымное тепло,
Тучи над овином.
Спит забытое село. Отчего так тяжело?
То ли черти помелом запылили душу,
То ль из будущего весть
Жестью прогремела.
То ли люди, Бог ни весть,
Потеряли дело.

Они возникают –
Следы за моею спиной –
И вновь исчезают бесследно,
Бессрочно, безвестно.
И только скрипучее кресло,
Так схожее с давней виной,
Из древних растраченных лет
Шаги колченогие лепит,
Всегда оставаясь со мной.
Как всё-таки жизнь
Коротка и нелепа.
В окно от асфальта
Возносится зной.
И голосу альта подобен гудок
С отдалённой,
Упрятанной в небо
Железной дороги.
Железный сверчок,
Перегруженный тоннами хлеба,
В какой-то надёжной системе иной,
Увозит на рынки зерно.
В эпилоге –
Бесследно следы растворяет
Кочующий зной.

НЕ МОЛЧИ

То ли птицы шуршат,
Всходят мысли цветами обид,
То ли что-то болит
В неказистом на вид деревце.
То ли в зеркальце,
Словно бы в плоском невинном лице,
Отразилась Луна
Или суженый –
В злато-кольце.
Это ветер упал
В закоулок погибшей Души,
Да и замер опаловым стоном
И шорохом ночи.
Что там вышло в судьбе –
Не молчи, расскажи,
Не одной же тебе
Приказали просрочить
Птицы в сонном саду
Три мгновенья у Бездны
На самом краю...
Тесно, тесно в Аду?
А в Раю?
Что в Раю?

НАС НЕ ДОГОНЯТ

Где-то в души стучится
Волчица-зима –
Так наивна пока и нема.
И не режет река
Льдом бока берегов,
И не слышно снегов,
И мертвы холода.
Но браслеты оков
Из кладовки уже вынимает
Беда.
И вдогонку
Она наострила следы.
Убежим от беды,
Мы пока ещё живы.
Мы так многое можем,
Мы душой дорожим.
Улетим, убежим
От поживы жестокой,
От касания смерти
Железным перстом
Этой дамы
Стоокой.

ГАРМОНИЯ

Вот упаду, засну.
И пусть шумит
Разумный тополь, ветром опалённый,
Весну зелёной кожей
Ощущая.
И запах чая, с розами так схожий,
Прохожих ароматом угощая,
Войдёт в окно
От вечного соседа,
Не спящего с обеда до обеда,
А, впрочем-то,
Не спящего всегда.
Звезда взойдёт
И бросит острый луч,
Как масло, воздух тонкий разрезая.
Гряда летучих туч –
Борзая на охоте –
Догонит лунный колобок
На взлёте.
Все в мире будут добры и честны.
А я всё буду спать
И видеть сны –
Цветные сны.

ОСЕНЬ

Уже полынь горчает и пылит.
И ветер приближается с востока.
Янтарным оком Будды
Мир объят,
В потоках неба облака блуждают,
И тополя впитали жёлтый яд.
Уже полынь пылает
И горчит,
Свивая листья в медные спирали.
Теплынь гудит ветрами,
Словно ралли,
И к югу отправляются грачи.
Они ещё хранят
Свой верный путь,
В меридианы вписанный издревле.
Деревня жжёт ботву.
Визжат на стройке дрели.
Когда-нибудь –
В немислимом апреле –
Наверное, удастся
Отдохнуть.

Уже светает, звёзды далеки.
И неизбежна утренняя свежесть.
Ещё зевают в креслах старики,
Не спавшие,
Понеже им не спится.

В последний раз
Кричит ночная птица,
Летя стрелой в излучину реки,
Где прячет омут
Чей-то вечный Лик.

Восходит день,
Стирая тень рассвета.
Летит планета.
Плен её велик.

Здравствуй, киска,
С глазами золотыми, как мёд –
Осколками в стиле ампира.
Кто мысли рыжие твои поймёт,
Тот и встанет над миром.

Обоймёт его золотом, светом,
Покоем и сном,
Разгадает, словно бином Ньютона.

Мир окажется чист и прост –
Нет в нём боли,
Слезы, стона.
Всё это –
Только фантом неверия,
Фантом незнания –
Огнём стреляющий пулемёт.

Азы мироздания –
В глазах золотых,
Как мёд.

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ

Проснусь под утро
В час колючей мглы,
Где Авадон
В сердца вонзает иглы.
Услышу голос мглы и кабалы,
Калигулой рождённой похвалы,
Что от хулы
Почти неотличима...
Несётся мимо
Времени Поток
Неутомимый,
Соединяя снов
Златые звенья.
И что-то шепчут Вечное
Часы,
Считая не секунды,
А мгновенья.
Как много разных
Гибельных примет
На перекрёстке,
Где не ждут Мессию.
Молчит Россия,
И далёк рассвет.

Жарким ветреным часом
Поверишь в спасительный сон –
Разбежишься, взлетишь –
Поголеть в облаках до заката.
В поднебесии ясном
Растает сиреневый звон,
И вернутся назад
Все, кого ты любила когда-то.

– Пропустите, –
Ты скажешь Привратнику. – Это ко мне!
И сама обернёшься
Счастливой весёлой девчонкой.
И останешься там,
Вместе с ними – в вечернем огне,
В этом звоне сиреновом,
Тихом, волшебном и тонком.

Вдоль заката – черта,
Это ветренный облачный свей
Отпечатал следы,
Навсегда уходящие в горы.
И никто не заметил
Летучей прогулки твоей.
Видишь, гаснут огни –
Засыпает замученный город.

Он частый гость,
Непрошенный, занудный –
Бродяга-зной –
Восточный василиск.
Мы чувствуем друг друга обоюдно,
На улицу взойдя из-за кулис.
Расплавлен день,
И всё течет и плачет,
Горячим струям нет преград. И сон
Могущество востока обозначит –
Весь город спит,
Злым зноем занесён.
И кажется,
Не выйдет в Путь из тени
Ток времени,
Свернувшийся в цветок.
А город спит.
Теперь и он растение –
Господнего Сознания лепесток.

В ветрах, в листопадах мои города,
В которых не быть мне уже никогда.
Там, в дебрях и шёпотах огненных клёнов,
Берёз, опалённых летучей тоской,
Давно затерялась аллея влюблённых.
И юность-волчица ушла на покой.

Давно разбрелись, одичали волчата,
Забыли дельфийские игры сердец.
Ветрами осенними души измяты.
И листья, как пули.
И память – свинец.

ДАМА

Лысый и злобный старик
Он так привык быть живым,
Что отказался от смерти.
Ждёт не дожждётся бессмертия.
Жить собирается вечно, бессрочно.
Он говорит – поверьте,
Это случится точно.
Он говорит, говорит,
Стопочку выпьет, поставит, закусит.
Но вот что странно –
Какая-то дама
Внимательно зрит,
Не отступит и не отпустит.
И почему сегодня на юг
Улетают дикие гуси?
Может быть, осень идёт сюда?
Может, что-то уже истекает –
Время, надежда, да просто вода?
Слушайте, дамочка,
Кто вы такая?

Свернусь колобком,
Покачусь по миру
В тартарары или иные какие миры –
Сиюминутная пыль,
Мука перемолотых злаков,
Скреплённая силой воды.
Среди знаков галактических,
Астрологических
Мне уже далеко до беды –
Все беды давно пройдены.
Завидуете? Завидуйте,
Пока ещё скрипят жернова,
Вы тоже можете стать мукой.
Можете говорить, что я не права.
Ну, что ж, если поменять ударение,
Вам больше понравится мука?
Смирение говорит мне – разницы нет.
Всё в этом мире в пыль размолото.
Ни звука – молчу.
Молчание – золото.

Памяти Марины Цветаевой

В провальной яме каждого дня,
Хвоинкой колючей ёлочной –
Дочерью солнца рыжего –
Я проживу, выживу.
И все стукачи и сволочи
Будут помнить меня.
Видимо, очень вкусны их котлеты,
В которых начинкой сидит вот это –
За что привыкли тайком воевать:
Поэтов убивают за то,
Что они поэты.
Больше не за что их убивать.

ИМЯ МОЁ ЛЕГИОН

Ныне всё белое и ледяное.
Ноет ветер, как ветер в Ковчеге Ноя.
Пусто, холодно, мраморные дороги
Гремят, словно дроги
Старые, деревянные,
Вот-вот разлетятся
На сотни кусков в дальние страны.
Призрачен день и его рассеянный свет,
Кажется, в мире – никого нет.
Я сознаю – имя моё Легион.
Я – молекула сора земного,
А, может быть, Сон
Какого-то фантазёра.

Есть ли жизнь за этим пластиковым окном?
Там кто-то сидит, мечтает мечтательно
О мире ином.
Тихо-тихо – не то услышит
Белая мышь
Слово шипящее, словно сухой камыш.
Заворочается в дебрях города минотавр,
Остановится час, а с ним –
И владельцы аур.
И что оно, это пластиковое окно!
То ли всё это здесь и сейчас,
А, может, было
Когда-то давно
Злой реальностью или страшным сном –
Мумия-жизнь за решёткой
И пластиковым окном.

Молотит дождь, вбивая в лужи иглы.
Скажите, что
Меня на эту жизнь подвигло?
Зевала дверь, свистела сквозняками.
Смертельный день
В предъядовой котельной
Уже хватал костлявыми руками.

Но чей-то глаз магнитом обожанья
Извлёк меня в аллее листопада,
Где облака бездомные бежали,
Стучался лист в забытое «давно»,
Где надо было жить и помнить надо
О тех, кому вернуться не дано.

РУССКАЯ МОЛИТВА

Косолапыми котятами
Разыгрались сны во тьме квартир.
Спит беспечный мир –
Пионеры с октябрятами,
Звёзды в недрах чёрных дыр.
Только дед сосед не спит,
Всё творит молитвы дед:
Пусть уж я разут, раздет,
Жизнь дырявее рогожи,
Так хотя бы внуку Сашке
Дай счастливую рубашку,
Боже.

Сегодня ветер поёт в лесах,
Душа спокойна, полёт свободен.
И след серебряный от колеса
В осенний холод меня уводит.
Там листья – золото, там небо – птица,
И одиночества медный звон.
Там, в листопаде,
Мне сон приснится,
О жизни –
Станный счастливый сон.

Взметнулся надо мною горизонт –
Вершины гор и пламенные кручи.
Открылся Неприкаянных Сезон –
Бродить в горах
И петь «Besame Mucho»*

В пустынных днях пустынно и светло.
Здесь, как змея, свою оставляю кожу.
Опасен путь мой – ломкое стекло!
Бог есть Любовь,
Но есть и дьявол тоже.

И кто и где меня подстержёт –
Неведомо, но в этом и удача.
Любовь сожжёт,
И нелюбовь сожжёт,
Но разве можно жизнь прожить иначе!

Среди колючих каменных огней
Душа летит, свободная, над миром.

* «Besame Mucho» — песня на испанском языке в жанре болеро, написанная в 1940 году мексиканкой Консуэло Веласкес Торрес.

И я, не зная КАК,
Лечу за ней.
Бог есть Любовь,
Но дьявол – сладость пира.

И кто во мне попутчицу нашёл,
И кто в меня поверил беспредельно?
Обманчив камень – хрупок и тяжёл.
Взлететь легко,
Падение – смертельно!

Александру Родионову

Когда-то в Москве на Арбате
В каком-то немыслимом платье
Гуляла я с рыжим поэтом.
Сирень венценосно цвела,
И пахло предчувствием лета.
И в небе сиреновом где-то
Под солнцем цвели купола.

Но время чертой невозвратной
Легло предвечерней порой.
Он был мне неназванным братом,
А я ему – божьей сестрой.

1984

Саше Родионову

Жизнь прошла,
Мой Рыжик ненаглядный.
Мы слепыми были
До поры.
И сгорели быстро и нескладно
Наши параллельные миры.
Мы одни
За прошлыми обидами,
Где Душа рвалась,
Как птица, ввысь.
Даже там,
В пространствах неевклидовых,
Мы с тобою не пересеклись.
Жизнь прошла,
Мой Рыжик синеглазый.
Жизнь прошла, как не было её.
Только в сказке колыванской вазы
Где-то сердце
Светится твоё.

2008 г.

Падает заката колесница,
Розовеет воздух разливной.
Пусть мне сон, минутный сон приснится –
Ты стоишь счастливый за спиной.
На мгновенье только оглянуться
И увидеть синь из-под ресниц,
Яблоко волшебное на блюде,
Старый дом со скрипом половиц,
Круглый стол у самого окна,
Календарь, картину на стене,
Маму, папу, просто лучик солнца.
Вот и всё,
Что видеть надо мне.

АНГЕЛЫ ЦИФЕРБЛАТА

Женщина ловко собирает в кувшин виноград.
Мальчик несётся вприпрыжку, вослед поспевая.
Время – июль завершает зелёный парад.
Солнце на зиму уводит тропинка кривая –
В злой неуют городов и потоки машин.

В белых одеждах, сокрытых в невидимых латах,
Всё не заполнят никак виноградом
Бездонный кувшин
Мальчик и женщина –
Ангелы стрел циферблата.

ЗЛОЙ БУХГАЛТЕР

На закате, худой, как Пиноккио,
Одинокий гуляет старик.
Злой бухгалтер последние сроки
Отсчитал. Он к порядку привык.
Вот заносит округлое сальдо
В свой большой золотой кондуит.
И не важно – славяне ли, скальды,
Припожалуйте в царство Аид!
Вот и этот старик одинокий
Фигурантом в балансе подшит.
Вышло время.
Закончились сроки.
Злой бухгалтер закрыл кондуит.

Мимо прошли травяные полынные дни
В летнем, цветущем, поющем обличье,
Мимо – крылатые, птичьи, синичьи.
Вот мы остались с тобою одни,
Дом мой родной, мой защитник столетний –
Самый последний из прошлых отметин.

Время настало, и я уйду горевать
В каменных дебрях безлюдного хищного града.
Звать – не дозваться, во сне о тебе узнавать,
Мимо бежать, торопиться
В колючее «надо».

Ты одинок. И чужие под крышей твоей.
Нет никого среди праздных
И многих, и многих.
Дом мой, прости.
Убегают в пустыню дороги.
Нет ни следа –
Лишь песчаный колышется
Свей.

МЫ ДЕТИ XX ВЕКА

Мы бродили по зимам и вёснам,
Без печали и страха бродили.
Мы гордились авто трёхколёсным,
Мы писали в тетрадях «жи-ши»
Тонким пёрышком –
Стрелкой из стали,
И в любовь навсегда улетали
На серебряных крыльях души.
Мы бродили по зимам и вёснам,
Ожидали добра ниоткуда,
Зло и просто бесстрашными были.
Мы не верили взрослым!
Мы верили в чудо.

СТЕРЕГУЩИЕ ЗОЛОТО ГРИФЫ

Озоновая графика лесов,
Сосны немой червлёные прожилки
На снежном теле Азии зимой.
Ночной дивертисмент калёной вьюги.
Мы сторожили этот континент.
Мы жили здесь на севере и юге
Вдоль хвойных лент
Реликтовых лесов.

Мы сторожили. Жили.
Выживали.
Нас убивали, мы вставали вновь
Душой зимы
На пустоши бессонной.
В сердцах гудит, рождённая озоном,
Тугая позолоченная кровь.
Мы вымотали жилы, выживая.
Мы рвали кожу, прожигая наст.
Сибирь в снегах – кипящая, живая,
Она, как прежде, родина для нас.

Ползёт букашка.
Бегаёт пампушка –
Девчушка восемнадцати годов.
В микроволновке, пышен и готов,
Шкворчит пирог из тысячи котов –
Румяный
И питательно-приятный.
Ну, я шучу – ужели не понятно!
Пирог вполне пригоден для еды.
А вот коты – лентяи и милашки,
По-дружески приветствуют пирог.
Почти реальный,
Маленький мирок.
И если бы не стук часов железный,
Пирог полезный
Был бы съеден вмиг.
Но час утех и праздничных интриг
Ещё не наступил.
Ползёт букашка
В рубашке золотистой за окно,
В небесное кидаясь покрывало.
Всё это было, видимо, давно.
А, может,
Никогда и не бывало.

МАТЬ И ДИТЯ

Равноценны рождению жизни
Твои миражи.
Расскажи о себе –
Приближается время рождения.
Знаешь ли ты, мой бесценный,
Твоё настоящее имя?
Имя твоё – Любовь, Ненависть, Вечность,
Вселенная.
Имя твоё – Золото, Железо, Медь.
Разве такому страшна Жизнесмерть?
Встреча наша назначена в этом году.
Жду тебя. Надеюсь. Люблю.
Жду!

НА КРАЮ

Из космоса осеннего квартала,
Лохматой, хищной, острой тишины,
Восстала тень Луны золотогривой-
Медвяный отсвет, зарево, огонь.
По краю неба мчался бледный конь,
Стуча копытом в твердь остылой нивы –
Планетной колыбели городов.
Он всё унёс – историю родов,
Воинственных племён, кровавой славы –
Безумную историю войны!
Из тишины теперь идёт спасенье.
В душе застыл янтарной каплей лавы
Лист осенний.

ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

Вот как-нибудь начнёшь говорить с гражданином,
И очень он симпатичен –
Самодостаточен, глубок, образован.
Он знает пророка Иисуса Навина,
Правильно произносит слово «импичмент»,
Расскажет при случае историю Азова,
Теорию пассионарности Льва Гумилёва,
Да и вообще, любит всё лучшее.
Но в конце содержательного разговора
Уронит, словно нечаянно, словно бы про себя –
Что вот жил бы да жил, всех на свете любя,
В рамках душевного договора,
Да только малости не хватает
На то,
Совсем чуть-чуть –
Тысячу, две, ну, может быть – сто.

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Ненужный смысл катился колбасой
Застывшей всклень дорогой декабриной.
Страдала лень от скуки журавлиной.
Шаманил ниоткуда Виктор Цой.
Пространство шелестящее, змеясь,
Касалось рук и глаз, и ум змеился,
Плодя плоды печали и мздоимства.
Срамно смотрелись лица без прикрас.
Не изменился мир. Не изменился.

И только дети встроенным мозгам
Наивно, добросовестные, рады.
Несётся шум и гам из-за ограды –
Обед, друзья. И время – пирогам!

ПУТЬ

М.Евдокимову

На перекрёстке ста дорог,
Где Ангел строг, а день уныл,
Горит невиданный цветок –
Здесь кто-то сердце обронил.

ПЕРСЕИДЫ

Сквозь кремний горячих зыбучих песков
Струятся потоки забытых веков.
Невидимый, где-то стреляет Саид
Серебряной пулей
Ночных Персеид.
Ток Времени – хищные сонные сонмы
Колючих песчинок, пустынных ветров,
Мильоны забвением занесённых –
Стозвонная песнь беспощадных пиров.
И всё же, мы вечны. Мы – вольные птицы.
Летим без оглядки и страха – любя!
Сквозь кремний, сквозь Ангелов тонкие лица
Поток невесомый рисует тебя.

Вот собрались мы
В комнате одной –
Столетний дед на вытертом диване,
Ленивый кот
В мечтательной нирване
Декабрьских снов –
В реальности иной.
Фигура третья – женщина-зима,
То я сама – хозяйка и сиделка.
Быть может, для тебя всё это мелко,
Зато вокруг такие терема –
Заснеженные ели и берёзы,
Сосновый звон,
Сугробы да морозы,
И в серебре до маковок
Дома.

Спустя минуту, месяц или год
Волшебный кадр изменится стократно –
Мой подопечный,
Мой отец, уйдёт

За мамой вслед –
Тропою невозвратной.

Ему всё время кажется – она
Живёт в соседнем домике бесменно,
Его родная милая жена,
И он её отыщет непременно.

Ещё пока сумею вызнать путь,
Ведь я сиделка – всенощная птица.
Я догоню отца, смогу вернуть,
Душа его
Назад
Не возвратится.

Я в полдень тайное услышу –
Мостятся голуби под крышу
На тридевятом этаже,
Где синька неба зноем дышит,
И ветер бродит неглиже.

Вон там,
На узеньком карнизе,
Воркует рьяно мальчик сизый
И суетится день-деньской.
Цветные облака нанизал
На нитку холода изгой –
Бродяга Ангел,
Друг беспечный.

Он променял свой статус вечный
На волю вольную Земли.
Никем не узнан, не замечен,
Летает Вороном вдали.

Коль не хотите, так не верьте,
Ему наскучило бессмертие –
Отныне в крылья ветер бьёт.

Но только вот что –
В стане смерти
Паденьем кончится полёт.

Летай же, Ворон, птицей вольной –
Ещё и времени довольно,
И много сил, и светел глаз,
И сердцу
От простора больно
Сейчас.

Птицей летит ошалелое время,
Воды стареют и камни безродные.
Гибнут наложницы в тесном гареме,
Гибнут поэты, как время, свободные.

Множатся дни, нарождаются вирусы,
Птицы и змеи, младенцы-галактики.
Тлеют внутри пирамиды папирусы,
И умирают стратеги и тактики.

Мир создаётся, как прежде, поэтами,
Их голосами пылает прозрение.
Что я могу рассказать вам,
Бессмертные?
Что мне добавить
К любви и смирению!

ОБЕРЕГ

Вещи, хранящие душу старинного дома родного,
Снова меня берегут от недоброго слова.
Мамино зеркало в кружеве рамки чеканной,
Вышивка – бабушкиными руками.
Старый комод,
Разукрашенной скатерти шёлк,
Швейной машинки чехол деревянный.
Это мой дом – он из детства
За мною пришёл,
Следом пришёл –
В этот град богоданный.
Снова часы убегают,
Песчинками тонко звеня,
В долгие сны превращая короткие годы.
Это родители
Держат в ладонях меня,
Оберегая от плена
Чужой непогоды.

За что держаться человечку?
За свечку в храме, за молитву,
За лист кленовый да берёзовый,
Запечный рай да каравай
Румяный, розовый.
За разлетаечку-калитку,
Свиданье с девочкой Анитю,
За землю русскую, Отечество
И душу, жизнью не убитую.

В ДЕРЕВНЕ

Горит костёр, баранина шипит –
Здесь вам не ресторан, не общепит.
Кружатся звёзды, падая хвостато.
Мы сокрушим любого супостата –
Нам снег – перина, пуховая вата,
Мы знаем силу нищеты и мата.
Но верим – Бог Россию защитит.
Вот этот дед, не спившийся случайно,
Картошкой удобрит огород
И выживет, как выживает тайна
По имени «крестьянствующий род».
И катастроф смертельных колея,
И революций красная змея,
Не припасут в достатке нужном яду.
Сжимает время царственный кулак,
Дед помнит всё – он пережил гулаг,
Живым сумел пройти кругами ада.
А тот, кто говорил про деда – враг,
Давно улёгся смирно в буерак
Под мраморной плитой мемориальной.
Награда по делам идёт реальным.
А дед живёт!
И значит – надо так.

РЕМОНТ

Суетится с ремонтом мужичок в камуфляже –
То присядет, то ляжет под любимым авто.
Обрывается солнце в гаражный овражек,
Словно пуговица от пальто.
Напахнёт ниоткуда картошкой варёной,
Снегирёвой зимой, ветряною тоской.
Ах, какой выходной – ноябрино-ядренный –
Нам как раз примечтался денёчек такой.
Жаль, от солнца осталась всего лишь горбушка,
Да и ту доедает коварный овраг.
Вот зажглась от горбушки лесная опушка
И погасла,
Легко погружаясь во мрак.
Мужичок же в своём записном камуфляже
Продолжает ремонт –
То присядет, то ляжет.
Ничего!
Здесь Сибирь –
Не Париж,
Не Вермонт.

ВОЖДЬ

Стремящийся всё контролировать разум,
Линейным мышлением обременён.
Он знает лишь то, что измерено глазом,
И не знает того, чему нет имён.
Линейный разум лишь от себя самого
Зависим –
Заперт навечно в личном танце слепом,
Сам себя обманул коварной хитростью лисьей,
Сам себя уверенно определил рабом.
Он не может летать,
Полёт – бесконтрольно страшен.
Он не может играть, потому что должен играть.
Его сторожит – по периметру башен –
Опасно знакомая с ним
Королевская рать.

В доме пахнет брусникой, грибами белыми.
Солнце играет – оранжевый блик в окне.
Кажется, самое важное дело не сделано.
Но, может быть, это – всего лишь кажется мне.

Длится день, плачет злой телефон, запряванный
Под подушку – опять помешал во сне.
В беззащитной душе,
Понарошку прикрытой латами,
Кто-то бежит, кто-то думает о весне.

Но мечтателю этому трудно живётся осенью,
Был приказ экономить жестоко на всём и всём,
Потому что без спроса – восемью восемь
Жизнь умножила тяжесть того, что несём.
По плечу ли ему, записному мечтателю,
Время в дырочках от свинцовых пуль.
Кто-то дырки пытается заровнять шпателем,
Но заравнивает будущие май, июнь, июль.

Смертельный номер –
Жизнь пополам с данайцами.
Но мечтатель – надеется всё равно.
Одуванчики ясноглазые снова ему приснятся.
Жизнь – обман, мираж, наваждение, но...

КООРДИНАТОР СВЕТА

Скоро солнце наладится падать
Отражением в окнах –
Сверху вниз.
Наблюдатель – посланец Будды или Софокла,
В закатном небе завис.
И когда в беззвёздном кровавом вареве ночи
По одному будем гибнуть мы,
Он покажет неверующим, царям и прочим –
Кто координатор Тьмы,
Кто настоящий – не самозванный –
Координатор Света, здесь, на Земле.
И все, одержимые смертью тираны,
Прочувствуют это –
В кипящей смоле.
И все, одержимые жизнью,
В белых одеждах выйдут из Тьмы.
Верю, знаю, то будем мы –
Ты, любовь моя, и я.
И ещё много таких, как мы.

СОДЕРЖАНИЕ

Я буду, буду, буду7

ИЗ КНИГИ «КОСТЁР ОСЕННЕГО РАЗЛАДА»

Ещё настанет время тишине.....	15
Я пыталась уехать.....	16
Сухая осень. Зарево пожаров.....	17
Л. Мерзликину	18
Сияет бельё на верёвке.....	19
Хижину эту.....	20
Бессмысленная страшная кривая.....	21
Стемнеет скоро. Ничего!.....	22
Потерялась в пространстве планеты	23
ВСЕГДА.....	24
СИБИРЬ. 2005 год.....	25
А время, нет, неуловимо.....	26
Скулит и мечется собака.....	27
Господь Мой.....	28
Я разбросаю.....	29
Согласна я тебе в угоду.....	30
Я говорю с тобою так	31
Падают алмазы декабря.....	32
Живая мозаика солнечных бликов	33
Сегодня прибыл день.....	34

Песнь кочевников.....	35
Лимонный с малиновой нотой.....	36
ПРИШЕЛЬЦЫ.....	37
Метель мела на Златоуста	38
Там, в надзвёздной вышине.....	39
Тепло и роскошь – сладкий сон востока	40
В лесу.....	41
За серой вязью снегопада.....	42
Такая тишь – оранжевая, злая	43
Ах, лето, лето!	44
Осень, подруга моя светлоокая!.....	45
Я помню – мэтр себя преподносил	46
Памяти отца	47
Из форточки, из точки, ниоткуда.....	48
Середина воскресенья	49
Кто-то высокий	50
В далеком дальнем давнем далеке	51
ОДНА В ДОМЕ	52
Женщина шагает вдоль реки	53
Сказал, как отрезал, Отче	54
Люблю смотреть	55
Г.П. Панову	56
Геннадью Панову.....	57
Мой дом, висящий над водой.....	58
Куда я еду – в ночь и темень.....	59

ДОМОЙ.....	60
Купалась монашка	61
ВОЛОГДА.....	62
Брату Александру.....	63
ОДИНОЧЕСТВО	64
Выйду в поле на лыжах	65
За колонной белою – в окне.....	66
ПОМНЮ (баллада)	67

ИЗ КНИГИ «РОСПИСИ ДОЖДЯ»

Во мне галактики гудят	71
И пусть вопрос мой	72
И если мир окажется пуст	73
Летает одуванчиковый пух	74
Цветёт сосна, бушует цвет	75
А всё так просто – свет угас вселенский.....	76
Я бываю прозрачною.....	77
Отгадаю волшебное слово	78
Глухое пенье – капает вода	79
Ю.Я. Козлову.....	80
СТРАННИК.....	81
В квартире моей	82
Земля потемнела, трава зелена	83
Город зверь	84
Я завидую собакам.....	85

Я жива только Божией волей	86
И вот когда	87
В мансарде деревянной	88
Да, вот так	89
Бродит мужик в лабиринте гаражном	90
На дикой окраине	92
Глаза отуманены	93
Предчувствую	94

ПАМЯТИ СЫНА СЛАВЫ

Ах, что и зачем, и о ком я?	97
Где-то далеко	98
МОЛИТВА ЗА СЫНА	99
Не знаю, где душа моя	100
Закончилось лето	101
Сыночек, детка моя	102
Мой мальчик	103
ЕВГЕНИЯ	104
Зима совсем некстати	106
Всё, что было, и всё, что станется	107
В пустынном, забитом людьми и вещами	108
На краю Ойкумены ветра бушевали	109
Вот в этой завешанной тряпками лавке	110
Вскипает розовое утро	111
АНГЕЛУ МОЕМУ	112

КОГДА-ТО.....	113
Пригоршни звёзд в потоке чёрном	114
КОГДА ЭТО БЫЛО.....	115
ОСЕННИЙ СОН	116
Погладь мои крылья	117
В дыму заката	118
Радость моя.....	119
Янтарным ожерельем осень	120
Никогда не вернётся осень.....	121
ЦАРЬ МОЙ, ДРУГ МОЙ.....	122
Слова значат не то	123
Деревья не отбрасывают тени	124
Мы видели с тобой один и тот же сон.....	125
В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ	126

ИЗ НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ
(2010— 2014 г)

В ПУСТЫНЕ.....	129
СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ	130
Искусство – ложь, несущая правду	131
КТО ТАМ?	132
ХЕРУВИМ.....	133
МОЯ МЕДИТАЦИЯ МАО	134
ДЯДЯ ВАНЯ.....	135
ВЕЛИКОЕ НИЧТО	136

БЛАГОВЕЩЕНИЕ.....	137
ЕСЛИ ВДУМАТЬСЯ.....	138
Под Новый год звоним друг другу	139
ПОЭЗИЯ	140
УЛИЦА ЛЬВА ТОЛСТОГО.....	141
ЛЕГЕНДЫ АЛТАЯ	142
БЫЛО ЛИ ИМЯ МОЁ.....	143
ПРАВОСЛАВНЫМ	145
ТЫ РОДИЛСЯ	146
ПЁС	147
Утащит в жерло Бездны круговерть	148
АУ!.....	149
ВЕСНА.....	150
Время вскрывает всё, что следует вскрыть.....	151
ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА	152
Дымно-нежный, прозрачно-вьюжный	153
А в окне, как во сне, загорелась звезда	154
ФЕВРАЛЬСКОЕ	155
ДЕД МОРОЗ.....	156
КРИКНУЛ ВОРОН «НЕВЕРМОРЕ».....	157
НОВЫЙ, НОВЫЙ, НОВЫЙ ГОД.....	158
Не знать Зверям, стучащимся извне	159
Здесь никто не болеет – болеть некрасиво.....	160
ОПУСТЕЛА ДЕРЕВНЯ	161
Рассвет чадит кровавой раной	162

ВЕРА – ЗНАНИЕ БОГА	163
ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ.....	164
БЕССМЕРТНОЕ ДЕТСТВО	165
НА УЛИЦЕ МПС.....	166
Если я засну, никто не закрутит кран	168
ПЯТЫЙ АНГЕЛ	169
РАЙ	170
В ДИКОЙ СТЕПИ.....	171
Сегодня богатые черти брачуются	172
ЦАРЬ – АЛТАЙ.....	173
ФУТУРУМ	174
АМАЗОНКА – XXI	175
ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО	176
ЗНОЙ.....	177
ЖАННА	178
ОХОТА НА ОРЛА.....	179
НАДЕЖДА АЛЛИЛУЕВА	180
Анубис, вечен, зол.....	181
ЗАБЫТОЕ СЕЛО.....	182
Они возникают	183
НЕ МОЛЧИ	184
НАС НЕ ДОГОНЯТ	185
ГАРМОНИЯ	186
ОСЕНЬ	187
Уже светает, звёзды далеки.....	188

Здравствуй, киска.....	189
НА ПЕРЕКРЁСТКЕ.....	190
Жарким ветреным часом.....	191
Он частый гость.....	192
В ветрах, в листопадах мои города.....	193
ДАМА.....	194
Свернусь колобком.....	195
В провальной яме каждого дня.....	196
ИМЯ МОЁ ЛЕГИОН.....	197
Есть ли жизнь за этим пластиковым окном?.....	198
Молотит дождь, вбивая в лужи иглы.....	199
РУССКАЯ МОЛИТВА.....	200
Сегодня ветер поёт в лесах.....	201
Взметнулся надо мною горизонт.....	202
Александру Родионову.....	204
Саше Родионову.....	205
Падает заката колесница.....	206
АНГЕЛЫ ЦИФЕРБЛАТА.....	207
ЗЛОЙ БУХГАЛТЕР.....	208
Мимо прошли травяные полынные дни.....	209
МЫ – ДЕТИ XX ВЕКА.....	210
СТЕРЕГУЩИЕ ЗОЛОТО ГРИФЫ.....	211
Ползёт букашка.....	212
МАТЬ И ДИТЯ.....	213
НА КРАЮ.....	214

ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА	215
СКВОЗЬ ВРЕМЯ	216
М. Евдокимову	217
ПЕРСЕИДЫ.....	218
Вот собрались мы.....	219
Я в полдень тайное услышу	221
Птицей летит ошалелое время.....	223
ОБЕРЕГ	224
За что держаться человечку?.....	225
В ДЕРЕВНЕ	226
РЕМОНТ	227
ВОЖДЬ.....	228
В доме пахнет брусникой, грибами белыми	229
КОординАТОР СВЕТА	230

КОЗЛОВА Людмила Максимовна

ИЗБРАННОЕ
СТИХИ

Оформление В. Котеленец
Редактор А. Кирилин
Корректор Е. Федькина
Верстка Т. Афанасьева

Подписано в печать 08.10.2015 г. Формат 70x100/32
Гарнитура Muriad Pro. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 4802

Отпечатано в типографии ОАО «Алтайский дом печати»
656043, г. Барнаул, Б. Олонская, 28

ИЗБРАННОЕ

Людмила Козлова родилась в г. Никольске Вологодской области. Окончила аспирантуру Томского университета (ТГУ). Автор 30 книг поэзии и прозы, изданных в Барнауле, Бийске, Санкт-Петербурге и др. Лауреат шести краевых литературных премий, в том числе, им. В.М. Шукшина, премии Алтайского края (2010 г.), Международной премии им. С. Михалкова (2008 г.), Международного конкурса "Лучшая книга года" (2014 г., Берлин, Германия). Стихи и проза публиковались в краевых журналах и центральных периодических изданиях, за границей (Белоруссия, Украина, Дания, США, Канада). Руководитель и издатель книжной серии для молодых авторов (2002-2005 г.г.), редактор и издатель журнала "Огни над Бией". Член Союза писателей России с 1994 года. Живёт в Бийске.

AF

се же -

Доверю никому,

о сердце было в чем

почем тогда,

взрывающим тьму

стучится ветер

странником крыла

Да вот оно, то

вот оно -

здесь плакала

Но вот взвила

бросилась в с

но